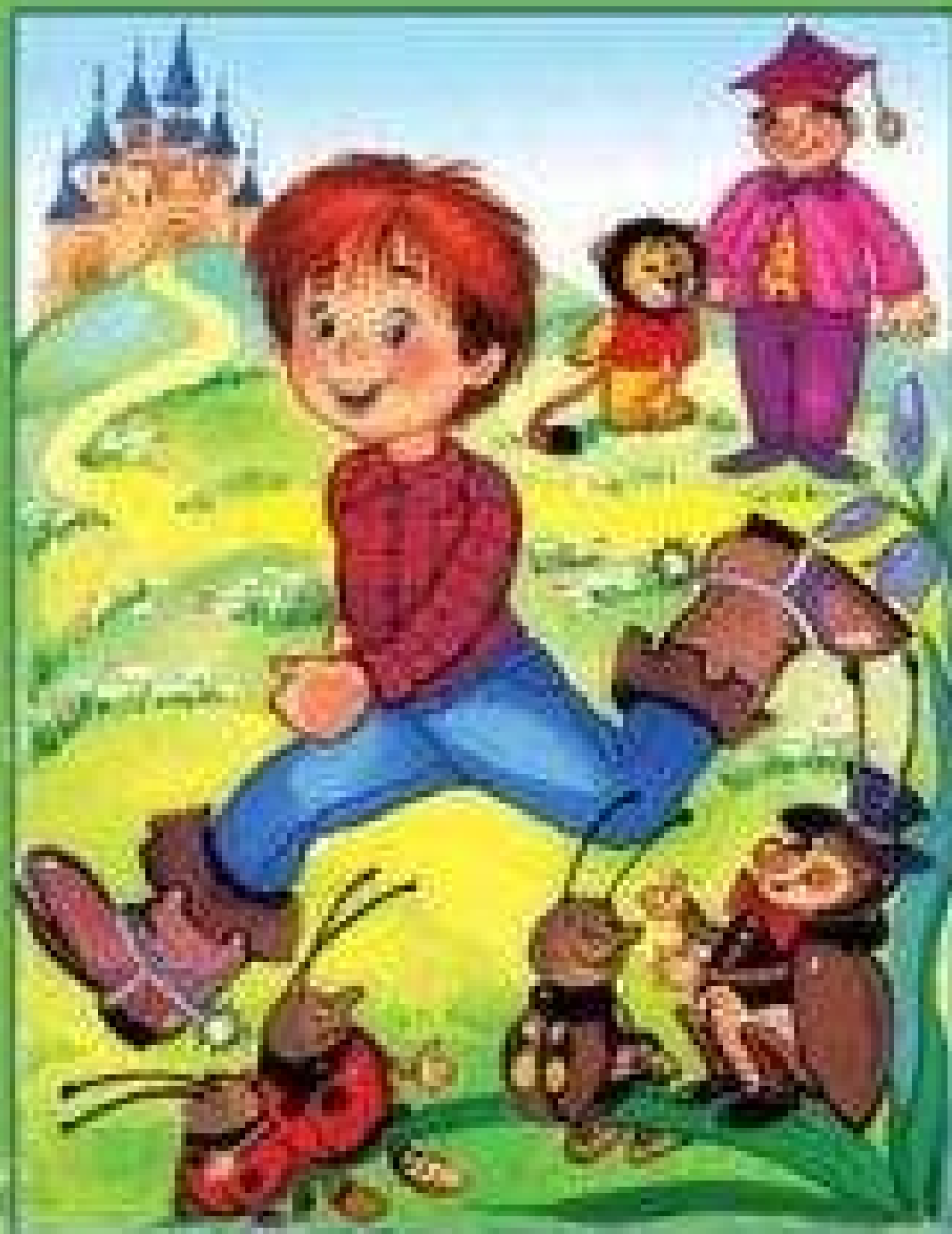

ТАМАРА КРЮКОВА

ЧУДЕСА
НЕ ПОНАВОШКУ

Крюкова Тамара Шамильевна

Чудеса не понарошку

Дорогие читатели!

Те, кто уже читал эту книгу, часто спрашивают: "Для какого она возраста?" И в самом деле, для какого? Я была уверена, что написала веселую историю для ребят, и мои юные читатели в один голос подтверждают: "Чудеса не понарошку" - смешная книжка для детей". Взрослые согласны с тем, что книга смешная, но с уверенностью заявляют, что она написана для взрослых.

Просто эта книга похожа на слоеный пирог. В ней много слов и фраз с двойным смыслом. Их называют каламбурами и фразеологизмами. Вот почему каждый читатель воспринимает описанный в ней мир по-своему. Все зависит от того, насколько человек знаком с тонкостями богатого русского языка. В любом случае улыбка вам гарантирована. Начинающим читателям эта книга поможет глубже узнать родной язык. А читателям, умудренным жизненным опытом, вновь заглянуть в детство.

Итак, вперед в Шутландию! Надеюсь, вам понравится это путешествие. И может быть, вы поможете мне наконец-то найти ответ на трудный вопрос: для какого возраста эта книга?

-Где происходят чудеса?

-За тридевять земель.

-А можно мне на полчаса попасть туда?

-Проверь.

-А где же я возьму билет?

-В Фант-Азию билетов нет.

Из серых будней никогда

туда не ходят поезда,

И не летает самолет.

И даже катер не плывет.

-Выходит, в сказку нет пути?

-Он есть.

-Но как его найти?

Как мне попасть в тот край?

-Я дам тебе один совет.

Послушай и решай.

Дорога в сказку далека,

Длиною в целый шаг.

Шагни - и знай наверняка,

Ты - чародей и маг.

-Ты шутишь?

-Ну, конечно, нет!

Но только есть один секрет:

Чтоб в волшебство открылась дверь,

Ты в чудеса, дружок, поверь.

Кто знает, может так случиться,

Что в дом твой сказка постучится.

Глава 1. Сумасшедший день

Митя лежал в кровати и разглядывал пятно света, которое отбрасывал на потолок уличный фонарь. Оно то уменьшалось, то увеличивалось, то пускалось в пляс. Мама говорила, это оттого, что ветки деревьев то загораживают фонарь, то открывают его. Но гораздо интереснее было думать, что пятно живое - солнечный зайчик, вернее, фонарный. Вот было бы интересно, если бы солнечный и фонарный зайчики встретились!

- Добрый день, уважаемый фонарный зайчик!

- Вы хотели сказать "доброй ночи", коллега?

Когда у Мити придумалось это взрослое слово, ему стало ужасно смешно, да и кому же не станет, если он представит себе солнечного зайчика в галстук, в шляпе, да еще и с портфелем.

А еще смешнее, что тогда все на свете бы перепуталось. Никто бы не знал, что сейчас на улице - день или ночь, и каждый выбирал бы себе такое время, какое ему больше всего нравится: хочешь, смотри "Спокойной ночи, малыши", а хочешь - "С утра пораньше". Но главное, в этой путанице можно было бы вообще не ложиться спать.

Глаза у Мити слипались, и уже сквозь сон он слышал, как мама говорила папе, что завтра придут гости и ей надо прибраться, наготовить и еще успеть в парикмахерскую - просто какой-то сумасшедший день!

"Интересно, почему сумасшедший?" - подумал Митя, но мама то ли не захотела этого объяснять, то ли папа знал все о сумасшедших днях, только ответа на свой вопрос Митя так и не дождался. Засыпая, он решил, что завтра наверняка все узнает сам. * * *

На следующее утро Митя первым делом вспомнил, что день сегодня сумасшедший. Как день сходит с ума, он еще ни разу не видел. Казалось, все было как обычно. После завтрака папа отправился по делам, а мама помыла посуду и начала готовить.

Митя посмотрел на будильник. Он уже целую неделю умел понимать время по часам.

"Наверное, еще слишком рано. Надо подождать", - подумал он и подождал, а потом опять взглянул на часы. Вот это номер! Стрелки почти не сдвинулись. Может быть, они остановились? Митя прислушался. "Тик-так, тук-тик", - выстукивали часы, делая вид, что идут, но стрелки были словно приклеенные.

Может быть, если на них не смотреть, они пойдут побыстрее? Митя зажмурился и сидел,

и сидел,

и сидел,

и сидел...

Но когда открыл глаза, большая стрелка едва сдвинулась с места. Митя собрался пойти спросить у мамы, что случилось с часами, но мама сама заглянула в комнату, посмотрела на часы и всплеснула руками:

- Боже мой, как бежит время! Я ничего не успею сделать!

Вот так загадка! Митя задумался - ведь на каждый вопрос можно найти ответ, если, конечно, хорошенько подумать. И тут ему в голову пришла

мысль .

Если мамино время сейчас мчится во всю прыть, так что мама еле-еле за ним поспевает, а его собственное время заупрямилось и никак не хочет идти, значит, время не одно, а их много и для каждого время свое.

Просто удивительно, как это никто раньше до этого не додумался? Митя побежал на кухню, чтобы срочно поделиться с мамой своим великим открытием.

- Мама, а я придумал, как сделать так, чтобы ты все успела! - радостно сообщил он.

- Я тоже, - сказала мама, - для этого нужно, чтобы ты не вертелся у меня под ногами, когда я занята, и убрал бы за собой игрушки.

"Вот всегда так с этими взрослыми. Нельзя поговорить ни о чем серьезном. Сразу им в голову лезут всякие пустяки вроде неубранных игрушек", - с досадой подумал Митя, но решил предпринять еще одну попытку.

- Я научное открытие сделал.

- И какое же?

- Оказывается, время не одно, а их много.

- Кого много?

- Времен. Ведь бывает же время быстрое, так что не успеешь оглянуться, а оно уже пролетело, а бывает медленное, что тянется и тянется?

- Бывает, - согласилась мама.

- Вот я и придумал, что надо просто сделать такой прибор, чтобы можно было включать время, какое захочешь. Например, включишь медленное время и все успеешь сделать!

- Вот если бы сделать такой прибор, чтобы ты хотя бы на уроках от своих фантазий отключался, - сказала мама. Вдруг она принялась и бросилась к духовке.

- Ой! У меня все горит! Пошел бы ты погулять!

Кто-то, может, и не поймет, какая связь между Митиным гуляньем и маминой готовкой, но сам Митя уже давно заметил, что пирожки имеют странную особенность: они начинают подгорать именно в тот момент, когда ему хочется поговорить с мамой, как будто только этого и ждут. В отместку, пока мама не видела, Митя показал им язык, чтобы не очень-то задавались - все равно их съедят, - и побежал из кухни.

"Может, и правда пойти погулять?" - подумал Митя. В конце концов, сидеть дома, когда с тобой никто не играет и не разговаривает, очень скучно.

На диване, грустно подперев лохматую голову плюшевыми лапками, сидел Митин любимый львенок Мефодий. Еще недавно они были так неразлучны, что даже спали вместе. А когда Мите было одиноко - ведь каждому человеку бывает одиноко, если у него нет щенка или котенка, - он разговаривал с Мефодием.

- И тебе скучно? - Митя потрепал львенка по гриве. - А давай я возьму тебя с собой.

И они пошли гулять.

Глава 2. "Могистр" чародея

Двор был пуст. Как назло никто из ребят еще не вышел. Митя прошелся по двору в поисках, чем бы заняться, но сегодня дела не находилось. Нет, сумасшедший день ему явно не нравился!

И вдруг...

...Вдруг Митя увидел на асфальте блестящий кружочек. Да, да, это был самый настоящий пятак. Вот так удача! День сразу перестал казаться скучным. Митя тотчас решил начать собирать коллекцию заметил, что обратился к незнакомцу на "ты", хотя он был очень вежливый мальчик и всегда говорил "вы".

- Ты что, спорить не умеешь, что ли? - вместо ответа спросил незнакомец.

- Почему не умею? Умею.
- Кто же так спорит! Спорить - это когда я говорю одно, а ты что-то совсем другое. Понятно?
- Понятно.
- Тогда давай попробуем сначала. Я говорю, что тебя зовут Митя.
- Но меня и правда зовут Митя.
- Фу ты, опять весь спор испортил! А еще чемпион!
- Никакой я не чемпион.
- А спорим, что чемпион?
- А вот и нет!
- А вот и да!
- А вот и ничего подобного!
- Вот это уже спор! А притворялся, что спорить не умеешь.
- Ничего я не притворялся.
- Ну да ладно. Все равно я выиграл.
- Почему?
- Да потому что ты - самый настоящий чемпион. Это так же верно, как то, что меня зовут Авося.

Нельзя сказать, что Мите не хотелось быть чемпионом. Если быть честным, то он с удовольствием проиграл бы этот спор. Но с другой стороны, опять-таки если быть честным, приходилось признаться, что новый знакомый ошибся и, наверное, принял его за кого-то другого.

- Ты меня с кем-то перепутал, - сказал Митя.
- Я? Перепутал? А откуда я, по-твоему, знаю, как тебя зовут?
- А правда, откуда? - Митя с интересом уставился на Авосю.
- Я про тебя еще и не то знаю. Вот сегодня, например, ты сделал важное научное открытие про время. А на потолке у тебя живет ручной фонарный зайчик...
- Ты что, мысли умеешь читать? - удивился Митя.
- Я много чего умею. Недаром я -
Могистр .
- Магистр - это такой ученый, что ли? - спросил Митя.
- Почти, - уклончиво сказал Авося.
- Почему почти?

- Потому что я знаю почти все буквы. Но вообще-то я

Могистр Чароделия ,

могу чародействовать.

- А разве такая работа бывает? - с недоверием спросил Митя.

- В Великоигрании бывает все!

- Где, где? - переспросил Митя.

- В Великоигрании. Есть такая страна. На севере ее находится Игрландия, а южнее - Шутландия. Неужели не слышал?

- Нет. А где это?

- В Фант-Азии.

- А-а-а. А я-то думал по правде, - разочарованно протянул Митя.

- Конечно, по правде. Разве ты не знаешь, что такое Фант-Азия?

- Ну, это выдумка. В общем, то, что не по-настоящему.

- Кто тебе сказал такую чепуху?

- Мама.

- Разве взрослые понимают, что такое

настоящая жизнь ? Настоящая жизнь бывает только в Фант-Азии, потому что это такая Азия, где все пьют фанту, играют в фанты и на каждом шагу происходят фантастические приключения!

- Вот это да! - восхищенно сказал Митя.

- А ты говоришь, Фант-Азия - ненастоящая. Настоящая жизнь бывает только с приключениями, а без приключений разве это жизнь?

С этим трудно было не согласиться. И Митя согласился.

- Вот бы там побывать... - мечтательно произнес он.

- Чудак! Я же тебе целый час толкую, ты - чемпион. Понятно? - Авося спросил это таким тоном, что сказать, что ничего не понятно, Митя просто не мог, тем более он был тоже почти ученый. Он знал все буквы и почти все умел писать по-письменному. А чтобы все-таки понять, что же именно ему понятно, Митя сказал:

- Ну?

Каждому ясно, что "ну" - это такое слово, которое может означать что угодно. Например: "Ну, конечно, понятно" или "Ну, ничегошеньки не понятно", или "Ну, как знать", или "Ну еще бы", или "Ну вот еще".

Авося оценивающе осмотрел Митю с ног до головы и торжественно произнес:

- Поскольку в этом году ты - чемпион по фантазерству, я прибыл, чтобы вручить тебе приз: билет до Шутландии.

Митя был в растерянности: ведь нельзя же стать чемпионом и даже не заметить этого, но Авося объяснил:

- В Фант-Азии знают всех фантазеров и фантазерок наперечет. А тому мальчику или девочке, который понапридумывал с три короба, мы присуждаем наш приз - путевку в Великоигранию.

- Значит, я могу по-всамделишному побывать там?

- Конечно, как и другие ребята.

- А у вас и другие тоже бывали?

- Еще бы! Почти каждый год у нас кто-нибудь бывает. Да ты и сам знаешь некоторых из них: малыша Ганса, например, или крошку Шарля...

- Нет, я их не знаю, - уверенно сказал Митя.

- Скажи еще, что ты никогда не слышал про Снежную Королеву и Красную Шапочку.

- Кто же про них не слышал? Про них любой знает.

- А кто о них книжки написал?

- Ганс Христиан Андерсен и Шарль Перро.

- Ну вот, а говоришь, что Ганса и Шарля не знаешь. Эх, сколько ребятни у нас перебивало.

- Ничего себе ребятня! Совсем взрослые дяди.

- Это потом они выросли, а у нас они были маленькими мальчиками, совсем такими же, как ты. Мой дедушка сам их сопровождал, - гордо сказал Авося.

- Значит, все, что они писали, правда? - с недоверием спросил Митя.

- Чистая правда! - подтвердил Авося.

- И я тоже увижу этих сказочных героев?

- Как тебе сказать, - уклончиво ответил Авося. - Вообще-то в Великоигрании каждый все видит по-своему, поэтому у нас никогда и ничего не повторяется дважды. Наша страна - самая нескучная страна на свете. Да ты и сам в этом скоро убедишься.

- А где мой билет?

- Как где? Ты же сам положил его в карман.

- Нет, я ничего не клал, - возразил Митя.

- А ты посмотри получше. Научил тебя спорить на свою голову! - проворчал Авося.

Митя стал выгружать содержимое карманов. Он вытащил кусочек гранита, пару желудей, фантик от жвачки, огрызок карандаша, совсем новый гвоздь, скрепку, найденный сегодня пятак...

- Да вот же твой билет! - воскликнул Авося.

- Какой же это билет? Это просто пятак, - пожал плечами Митя.

- Это не просто пятак. Это пятак в переносном смысле. - Авося назидательно поднял палец.

- А почему он в переносном смысле?

- Да потому, что смысл его в том и заключается, чтобы перенести тебя в Шутландию и обратно, - пояснил Авося

- А он меня точно перенесет? Я ведь тяжелый, - засомневался Митя.

Глава 3. Вот так новость!

- Вот увидишь, что так оно и будет. Как только он упадет - мы в Шутландии, - повторил Авося.

При этих словах Мефодий, который до сих пор тихонько, как и подобает плюшевому львенку, сидел у Мити на руках, вдруг заволновался:

- Кто это

он ? Какой это

он упадет?

- Мефодий, это ты разговариваешь? - От удивления Митя чуть не выронил львенка.

- Конечно, нет, - покачал головой Мефодий.

- А чей это голос?

- Голос мой, но я не разговариваю. Я размышляю вслух, - важно произнес Мефодий, а потом укоризненно посмотрел на Митю и спросил: - А ты что на самом деле хочешь меня бросить и отправиться в Шутландию один?

- Что ты! Я и не думал тебя бросать! - сказал Митя.

- Ты-то, может, и не думал, а вот он думал, - Мефодий кивнул в сторону Авося.

- Я?!! Да я вообще никогда ничего не думаю! - запротестовал Авося, и это было сущей правдой.

Авося считал, что думать - самое бесполезное занятие в мире, потому что когда думаешь, то только зря теряешь время, которое можно было бы употребить на что-нибудь интересное. Например, влезть, куда не следует или сунуть нос не в свое дело, или где-то что-то отвинтить и посмотреть, что из этого получится. Да мало ли сколько важных дел на свете. К тому же Авося знал, что частенько, если сначала подумать, многими из самых увлекательных дел и вовсе заниматься не станешь. Вот к чему приводят лишние раздумья!

- Ну да, - недоверчиво протянул Мефодий, - как будто я не слышал, как он сказал, "давай его бросим и закроем на это глаза, он упадет, а мы тем временем - в Шутландию".

- Это Авося не про тебя говорил, а про пятак, - сказал Митя.

- Ну, раз про пятак, то его можно и бросить. Чего с собой таскать лишние тяжести? - успокоился Мефодий.

Митя прижал к себе львенка:

- Я бы тебя и так никогда не бросил, а теперь, когда ты еще и разговаривать умеешь...
- А почему бы мне не уметь? Мой прапрадедушка, между прочим, не только разговаривал, а еще и книжки писал. Про льва и собачку - замечательная книжка!
- Твой прапрадедушка?! - удивился Митя.
- Ну да. Лев Толстой.
- Лев Толстой?! - переспросил Митя.
- Да. А чего тут удивительного? Звали этого льва так - Толстой. Вот я, к примеру, Мефодий, а он - Толстой.
- Но он никак не может быть твоим прапрадедушкой, - возразил Митя.
- Это еще почему? - обиженно спросил Мефодий.
- Да потому, что он - человек.
- Ничего подобного. Человек Толстой про Буратино написал. А про льва и собачку написал лев Толстой. Разве не так?

Мефодий был очень наслушанным львенком. Он всегда сидел рядом с Митей и слушал, когда тому читали вслух.

- Среди нас, львов, много ученых, - важно добавил Мефодий. - Вон и Кассиль - тоже лев.

Мите вдруг расхотелось спорить с Мефодием, потому что он подумал, что, наверное, очень трудно чувствовать себя львом, если ростом ты с комнатную собачку и у тебя даже нет прапрадедушки Льва Толстого.

- Значит, ты - лев? - спросил Мефодия Авося.
- Кому - Лев, а кому Лев Мефодиевич, - сказал Мефодий, который все еще дулся на Авося - из принципа.
- Лев - это такой сильный и грозный? - спросил Авося, с сомнением поглядывая на Мефодия.
- Как видишь, - скромно сказал Мефодий, чувствуя себя ужасно сильным и грозным.
- Вот здорово! - сказал Авося, чувствуя себя ужасно храбрым.

И тогда он вдруг очень понравился Мефодию. Мефодий протянул ему плюшевую лапку и примирительно сказал:

- Можешь звать меня просто Мефодием.

А Мефодий вдруг очень понравился Авося. И Авося пожал его лапку и сказал:

- А меня - Авося.

Глава 4. Легко ли внушать доверие?

- Ну, теперь, когда все в сборе, можно отправляться! - сказал Авося.

- Ой, - сказал вдруг Митя таким упавшим голосом, что Авося даже испугался, как бы его голос не ушибся.

- Ой, - повторил Митя, - я обещал маме без спроса никуда не уходить.

- Ну и что? - спросил Авося.

- Как что? Если обещал, то надо выполнять.

Митя твердо знал, что обещание выполнять надо, хотя чаще всего делать это совсем не хочется.

- Тогда скорее спрашивай! - посоветовал Авося.

- Ты мою маму не знаешь. Она меня одного никуда не отпускает, - сказал Митя.

- Но ты ведь не один. Мы с тобой, - успокоил его Мефодий.

Митя посмотрел на Мефодия, потом на Авося и подумал, что такое "не один" для мамы не считается, а вслух сказал:

- Понимаешь, мама меня отпускает только с теми, на кого можно положиться.

- Это уже хуже. А она у тебя тяжелая? - спросил Авося.

- Кто?

- Мама, конечно, кто же еще? А то я не люблю, когда на меня полагаются очень тяжелые люди. Я от этого огорчаюсь.

- Нет, это просто так говорится "положиться". А на самом деле ложиться она не будет. Просто надо ей внушить доверие.

- Так бы сразу и сказал. Это проще простого. Внушать доверие - мое любимое занятие. Я только и делаю, что внушаю мамам доверие, - сказал Авося.

У Мефодия сразу испортилось настроение. Мало того, что не он предложил путешествовать по Шутландии, а если еще и доверие будет внушать не он, тогда получится, что он

вовсе даже ни при чем . А быть

вовсе даже ни при чем очень обидно.

- Мне кажется, что из нас двоих доверие маме может внушить не Авося, а

КТО-ТО СОВСЕМ ДРУГОЙ , - многозначительно сказал Мефодий.

- Кто? - спросил Авося.

- Тот, кто больше достоин, - ответил Мефодий.

- Совсем другой из нас двоих... - начал вычислять Авося, а когда наконец вычислил, то не на шутку оби-делся:

- А почему это ты больше достоин?

- Потому, что я - выходец из очень знатного рода, - пояснил Мефодий.

- Ну и что? Я, может быть, еще больше твоего выходец!

- Интересно, откуда же ты выходец?

- Из дома, - сказал Авося и для пущей убедительности зашел в подъезд и вышел оттуда. - Вот!

- Выходцы из дома не считаются, - сказал Мефодий.

- Почему это не считаются? Значит, если ты - выходец, то это считается, а если я - то нет.

- Потому что выходцем надо быть из какого-нибудь рода. Лучше из знатного, как я. Выходцы из знатного рода все знают, даже как внушить доверие маме. А из какого рода ты?

Авося не знал, из какого он рода, поэтому буркнул:

- Не скажу. И вообще, это совсем не важно.

- Как это не важно? Да без этого можно считать, что тебя вовсе не существует.

- Как это не существует?! А это, по-твоему, кто? - Авося хлопнул себя по бокам.

- А я знаю, какого рода Авося, - вступился за магистра Митя. - Авося мужского рода.

- Правильно. Я из мужского рода, - обрадовался Авося.

- Все равно внушать доверие придется мне, - сказал Мефодий, - у тебя ведь наверняка нет носового платка.

- А при чем тут платок? - не понял Авося.

- Вот видишь, ты даже не знаешь, при чем тут платок, а Митина мама говорит, что у хорошо воспитанного человека всегда должен быть носовой платок!

- Зачем? - спросил Авося.

- Чтобы носить его в кармане, - объяснил Митя.

- А для чего носить его в кармане?

- Конечно, чтобы все видели, что ты хорошо воспитан. Зачем же еще? - пожал плечами Митя.

Авося сунул руки в карманы, но вместо платка вытащил большую шоколадную конфету в яркой обертке.

- Зато у меня есть вот что! - похвалился он. - Кто скажет, что конфета хуже носового платка?

Этого никто не сказал. Настроение у Мефодия испортилось окончательно. А когда Авося разломил конфету на три части и протянул Мите и Мефодию их долю, то Митя окончательно удостоверился в его хорошем воспитании, потому что если у хорошо воспитанного человека и хранится в кармане носовой платок, то конфета у него точно не хранится. Это Митя знал по себе. Стоило у него в кармане завестись конфете, как с ней тут же что-нибудь случалось.

- Настоящие львы конфеты не едят, - сказал Мефодий с достоинством, а так как Митя знал, что игрушечные тоже, то ему пришлось съесть львиную долю.

Перед тем как отправляться за разрешением, Митя на всякий случай спросил у Авося:

- А что мы скажем маме?

- Да чего тут говорить? Если перевернуть все вверх дном и устроить настоящую вверхтормашкию, то мама и сама этого не выдержит. Она будет даже рада от нас избавиться и отпустит тебя куда угодно.

Мите вовсе не хотелось, чтобы мама была рада от него избавиться, и он сказал:

- Не надо ничего ставить вверх дном. Если маме доказать, что чудеса есть на самом деле, а это вовсе не моя выдумка, то она и сама меня отпустит в Шутландию.

- А как же ты ей это докажешь? - спросил Авося.

- Это докажу не я, а Мефодий.

Услышав свое имя, львенок востроился.

- Конечно, докажу. Чего там. А как я ей это докажу?

- Очень просто. Ты с ней поговори немножко, тогда она во что угодно поверит!

- А я? - спросил Авося.

Митя подумал, что и говорящего Мефодия, и Авоси для одной мамы будет, пожалуй, многовато, поэтому сказал:

- Подожди нас здесь, хорошо? Мы не надолго. Только никуда не уходи.

- Ладно, - согласился Авося, но как только Митя с Мефодием скрылись в подъезде, сказал сам себе: - Никуда не уходить? Интересно, разве можно уйти

НИ-КУ-ДА ? Это надо проверить!

И Авося пошагал за угол, бормоча себе под нос:

Ну кто мне сможет объяснить,

Как

никуда не уходить?

Ведь, спорим, если я уйду,

Куда-то все же попаду!

И где, скажите, мне узнать,

Как

ничего не потерять?

Ведь если это ничего,

Как потеряете его?

И непонятно уж совсем,
Как не подраться мне
ни с кем ?
Как, если даже захочу,
Я
никого поколочу?

Ему не всыплешь тумачков
И не наставишь синяков.
Еще не шуточный вопрос,
А вдруг он мне расквасит нос?

Наверняка при всем при том
Полезно думать
ни о чем !
Мне даже страшно иногда -
Такая в мыслях чехарда!

Глава 5. Нешуточный разговор

В подъезде

Мефодий спросил:

- А что я скажу твоей маме?
- Что угодно, - сказал Митя.
- Давай попробуем, - предложил Мефодий.
- Давай. Говори!
- Что угодно, - сказал Мефодий.

- Что угодно, - подтвердил Митя.
- Что угодно, - повторил Мефодий.
- Да, что тебе угодно, то и говори, - сказал Митя.
- Да, что тебе угодно, то и говори, - повторил Мефодий.
- Ты что говоришь? - уставился на него Митя.
- То, что ты сказал: что угодно.
- Я тебе не такое "что угодно" сказал, а другое, которое означает, что тебе в голову придет.
- А вдруг ко мне в голову ничего не придет? - забеспокоился Мефодий.
- Такого не бывает. Что-нибудь обязательно придет.
- Тогда предупреди меня заранее.
- О чем?
- О том, что оно уже пришло.
- Нет, так у нас ничего не выйдет, - сказал Митя. - Тебе надо заготовить речь заранее.

Легко сказать "заготовить речь". Мефодий слышал, что некоторые звери заготавливают себе на зиму припасы, но как можно заготовить речь, он не представлял.

- По-моему, львы никогда ничего не заготавливают сами. И речи за них заготавливают другие,
- сказал Мефодий.

Митя предложил:

- Скажи просто: "Здравствуй, мама!"
- И этого достаточно, чтобы ее удивить?
- Еще бы!

Митя нажал кнопку звонка. Через минуту мама открыла дверь и спросила:

- Ноги хорошо вытер? - и, не дожидаясь ответа, убежала на кухню так быстро, что Мефодий не успел и рта раскрыть.

Митя бросился за мамой, но Мефодий остановил его. Он уставился в зеркало и, показывая на свое отражение, спросил:

- А это еще кто?
- Ты, - ответил Митя.
- Ты это серьезно? Вот это - я?!
- Ну не совсем, конечно, ты. Это твое отражение, - сказал Митя, не понимая, что Мефодию не нравится.
- А-а-а, тогда все ясно. Значит, это смеховое зеркало? - сказал Мефодий.

- Какое еще смеховое? - не понял Митя.

- Ну помнишь, ты мне рассказывал, что бывают такие комнаты смеха, в которых стоят смеховые зеркала, и в них все отражается не так как надо?

- Да, - сказал Митя.

- То-то я и гляжу, что я здесь такой неказистый, - сказал Мефодий. - Только вот я в толк не возьму, зачем твоей маме понадобилось такое смеховое зеркало?

Митя хотел было сказать, что никакое это не смеховое зеркало, а самое обыкновенное, но, поглядев на Мефодия, передумал: ведь он и сам еще не был взрослым, а потому не разучился понимать того, кому ужасно хочется быть большим и сильным.

- Понимаешь, - сказал он, - мама специально смотрится в такое зеркало. Посмотрит на себя с утра, нахохочется - и целый день у нее хорошее настроение.

- С кем это ты шепчешься? - спросила мама из кухни.

- С Мефодием, - ответил Митя и поспешил к ней.

Когда Митя с Мефодием вошли на кухню, мама как раз взбивала крем для торта - любимое Митино занятие! В другой раз он бы непременно обмакнул в крем палец, чтобы попробовать, хорошо ли у мамы получается, но сегодня у Мити было дело поважнее.

- Уже нагулялся? - спросила мама.

- Нет, я только на минуточку.

Мама, видимо, по-своему поняла приход Мити и, отодвинув от него миску с кремом, строго сказала:

- До обеда не дам, а то перебьешь аппетит, а потом ничего не ешь.

- А я вовсе не за этим. Мы с Мефодием пришли с тобой поговорить.

- Ты же видишь, что сейчас мне не до игры.

- А это ничуть не игра. Мефодий хочет с тобой поговорить по-настоящему.

Митя кивнул левенку, и тот, как и договаривались, громко произнес:

- Здравствуй, мама!

- Привет. Давно не виделись? - спросила мама, не отрываясь от своего занятия.

- Это не я. Это Мефодий с тобой здоровается, - попытался объяснить Митя, видя, что мама спутала голос Мефодия с его собственным.

- Не морочь мне голову. Пойди лучше займись чем-нибудь.

И тут случилось непоправимое. Мефодий чуть-чуть задел хвостом чашку, которой, видно, уже давно наскучило стоять на столе. Чашка сорвалась с места и понеслась. Но что еще хуже, она вообразила, будто умеет летать и... стукнувшись о кухонный пол, раскололась пополам.

Мама ничего не сказала, но посмотрела на Митю так, что тот понял: ее молчание ничего хорошего ему не сулит.

- Мамочка, это не я, - сказал он.

- Не ты? А кто же? Может, я? Или Мефодий?

Митя знал, что предавать друга, а тем более ябедничать, нехорошо, поэтому сказал:

- Нет. Она сама. Может быть, ей надоело стоять на одном месте.

- Понятно. Мефодий у нас сам разговаривает и мешает мне работать, чашка сама бежит по столу. Только Митя у нас ни при чем! В последний раз предупреждаю, чтобы на кухне без дела я тебя не видела, иначе...

Когда мама говорила "иначе", это означало, что она сердится, а всякому ясно, что, когда мама сердится, лучше держаться от нее подальше, поэтому Митя взял Мефодия и безропотно пошел в комнату.

- Все из-за тебя, - прошипел он на Мефодия.

- Это не я виноват, - сказал Мефодий.

- Не ты? А кто же? Может, я? - спросил Митя точь-в-точь так же, как только что спрашивала его мама.

- "Кто-кто" - те, кто заговаривают неправильные речи, вот кто.

Те, кто заговаривают неправильные речи, обиделись в свою очередь.

- Почему это речь неправильная?

- Да потому, что когда я сказал: "Здравствуй, мама!", то получилось, что это моя мама, а не твоя. А на самом-то деле она твоя.

Митя задумался. Мефодий был прав.

- Теперь понятно, почему она нас перепутала. Да, чтобы ее удивить, надо сказать что-то совсем другое, - предложил Митя.

Но, прежде чем сказать что-то совсем другое, надо было найти дело, чтобы появиться на кухне, или, на худой конец, придумать его.

И они начали думать. Митя думал о том, что надо думать быстрее, потому что их ждет Авося. А Мефодий думал о том, можно ли понять со стороны, думает он или не думает... И еще о том, как должен выглядеть лев, который думает... И еще о том, что когда он станет настоящим...

Оказалось, что Митя думает гораздо меньше, потому что Мефодий не успел додумать еще и половину всех своих мыслей, когда Митя сказал:

- Придумал! Сегодня конец недели! Мама должна расписаться в дневнике. Только ты постарайся удивить ее до того, как она распишется. Другого такого дела нам не найти.

- Не бойся, я ее так удивлю, что она вообще расписаться забудет, - заверил Мефодий.

- Нет, так сильно не надо, - забеспокоился Митя о маме.

- Тогда подготовь ее заранее, чтобы она начала удивляться постепенно, - посоветовал Мефодий.

- Хорошо, - кивнул Митя. - Пошли?

- Подожди, а как же речь?

Времени на заготовливание новой речи не было, поэтому Митя сказал:

- Там что-нибудь придумаем. Я тебе подскажу.

С Мефодием в одной руке и с дневником в другой Митя направился на кухню.

- Mam, я пришел по делу, - в подтверждение своих слов Митя показал дневник. - Только ты успокойся, волноваться вредно, - начал он подготавливать маму к предстоящему удивлению.

Неизвестно почему, мама, вместо того чтобы успокоиться, напротив, заволновалась.

- Так и знала! - всплеснула она руками. - То-то ты не гуляешь, а вертишься на кухне. Неужели двойка?

- Нет, - сказал Митя.

- Значит, замечание, - вздохнула мама. - Опять думал на уроке неизвестно о чем?

- Нет, я вовсе не думал.

- Прекрасно! Теперь на уроке ты вовсе не думаешь!

- Я думаю... - оправдывался Митя, и Мефодий понял, что надо срочно прийти ему на помощь. В тот самый момент, когда мама отвернулась, чтобы погасить огонь под вскипевшим чайником, Мефодий произнес:

- На уроке думать вовсе не обязательно.

Как и следовало ожидать, мама удивилась.

- Вот как? А что же, по-твоему, обязательно делать на уроке? - спросила она у Мити, не обращая на Мефодия ни малейшего внимания.

Митя понял, что мама опять их перепутала. И зачем только Мефодий встрял без предупреждения?

Митя повернулся к Мефодию и тихонько, чтобы мама не услышала, прошептал:

- Заткнись, тебя никто не спрашивает! - а потом, обратившись к маме, громко продолжил: - На уроке нужно слушать учительницу и отвечать ей.

Мама удовлетворенно кивнула и полезла в холодильник за маслом. Так как Митя замолчал, Мефодий понял, что настал его черед говорить, и он сказал все точно по подсказке:

- Заткнись, тебя никто не спрашивает!

Мама так удивилась, что даже забыла закрыть холодильник.

- Не носи чепуху, а то я тебя тресну, - едва слышно пригрозил Митя Мефодию.

- Говорить учительнице "заткнись"? - спросила мама, глядя на Митю в упор. - И что же, интересно, говорит на это учительница?

В это время дверца холодильника захлопнулась, толкнув маму под локоть. Ложка, которой мама размешивала крем, выскользнула у нее из рук и шлепнулась на пол, оставив на нем

разбрызганную кремовую кляксу. Мама охнула и нагнулась за ложкой, а Мефодий без запинки сказал:

- Не носи чепуху, а то я тебя тресну!

- Что-что?! - кажется, такой удивленной мама еще в жизни не была.

Митя молча показал Мефодию кулак.

"Что бы это значило?" - подумал Мефодий, а так как он был очень догадливым львенком, то быстро сообразил и добавил:

- Кулаком!

Очевидно, мама не заметила, что это произнес не кто иной, как Мефодий, зато она отчетливо видела, как Митя в это время потрясал в воздухе кулаком.

Надо было срочно все маме объяснить, и Митя сказал:

- Мама, это говорю не я. Я молчу. Вот посмотри, и ты сама убедишься, что я молчу.

Митя изо всех сил сжал губы, чтобы мама получше убедилась в том, что он молчит. Мефодий подумал, что не нужно мешать Мите показывать маме, как он молчит и, чтобы мама получше услышала, как сильно Митя молчит, он тоже не раскрывал рта.

Мама с опаской и в то же время жалостливо посмотрела на Митю.

- Митюша, а может быть, лучше позвонить, чтобы гости сегодня не приходили? Как ты считаешь? - сказала она и, взяв с полки записную книжку, начала искать в ней нужные номера телефонов.

- Я считаю, что это ерунда, - начал было Митя, но Мефодий, который совсем разошелся, перебил его:

- Я считаю ерунду, - сказал он, а так как к тому же умел считать до десяти, то решил, что незачем скрывать свои познания и продолжил: - Одна ерунда, две ерунды, три ерунды, четыре ерунды, пять ерундов, нет ерундей, нет, ерунд...

- Достаточно, - перебил его Митя.

- И я тоже думаю, что достаточно, - согласилась мама.

И Мефодий замолчал. Он был слишком горд, чтобы продолжать считать, когда этого никто не хочет.

- Может, у тебя жар? У тебя голова не болит? - Мама озабоченно потрогала Митину голову.

Митя хотел сказать, что ничего у него не болит, но вовремя заметил, что Мефодий раскрыл рот и тоже собирается что-то сказать. Тогда Митя зажал ему мордочку ладошкой. Мефодию не понравилось такое непочтительное обращение (да и кому бы понравилось?), поэтому львенок укусил Митю за руку.

Мите было совсем не больно, но от неожиданности он вскрикнул:

- Ай!

Мама отдернула руку от Митинового лба и сказала:

- Больно? Я больше не буду. Пойдем, я тебя уложу в постель. Сейчас врача вызовем. А хочешь, я тебе вместо обеда полную чашку крема дам?

Митя был в отчаянии. Он понял, что ничего ему маме не доказать. И тогда он сказал:

- Mamочka, я не болен. Просто я пошутил.

- Как пошутил?!

- Очень просто. Ты готовила, а мне стало скучно, вот я и пошутил.

- Значит, пошутил? - спросила мама таким тоном, что Митя понял - сейчас он наконец узнает, что такое

иначе .

Мама медленно повернулась, медленно положила на полку записную книжку, и в это время Мефодий совершенно неожиданно сказал:

- Нет, это совершенно неправильная мама! Правильная мама обязательно бы обрадовалась, что с ней хотят поговорить.

И мама вдруг села на табуретку. И у нее опустились плечи. А потом она посмотрела на Митю добрыми-предобрыми и почему-то грустными-прегрустными глазами. Она смотрела долго-долго и молчала. И Митя молчал, потому что не знал, что сказать. И Мефодий молчал, потому что он уже все сказал. А потом мама притянула Митю к себе, обняла его и сказала:

- Да, наверное, я неправильная мама. Я должна радоваться, что ты хочешь побыть рядом и поговорить, а у меня за делами на самое главное времени не остается.

Митя поцеловал маму и почувствовал, что щеки у нее соленые. И ему вдруг стало жалко-жалко маму, которая настолько не верит в чудеса, что даже не замечает их вокруг себя, и он сказал:

- Mamочka, не плачь. Ты самая правильная мама на свете.

- Я и не плачу. - Мама утерла передником слезы.

- А чудеса на свете есть! Правда-правда! - с жаром воскликнул Митя.

- Возможно, - сказала мама так грустно, что каждому сразу было понятно, что это "возможно" совсем не такое возможно, когда это возможно.

- Точно есть. И я обязательно тебе докажу, - уверенно заявил Митя.

- Ну конечно, - улыбнулась мама сквозь слезы.

Митя не решился отпрашиваться у нее в Великоигранию сейчас, потому что боялся, что от этого мама расстроится еще больше, и он просто спросил:

- Ну я пойду погуляю, хорошо?

На плите что-то закипело и с недовольным шипением начало выплескиваться из кастрюли, но мама не обращала на это никакого внимания.

- Пойди, - сказала она.

А Митя подумал, что, даже если бы сейчас сгорели все пирожки на свете и разбились бы все

на свете чашки, маме было бы все равно!

Глава 6. Если нельзя, но очень хочется

Митя с Мефодием вышли на улицу, но Авоси и след простыл.

- Вот тебе и на! Теперь и Авося куда-то исчез, - сказал Митя.

- Я вовсе не исчезал! - радостно воскликнул Авося, появляясь откуда-то из-за угла. - Я проверял.

- Что проверял?

- Как что? Можно ли уйти

никуда . Оказалось, что нельзя. Ну что, разрешила тебе мама путешествовать?

- Нет. Она совсем не верит в чудеса, - махнул рукой Митя.

- Так я и знал. Ох уж эти взрослые! Вечно они только мешают.

- Нет, у меня мама очень хорошая, только мне ее так жалко: ведь очень скучно жить, если не веришь в чудеса.

- Еще бы не скучно. Просто можно умереть от скуки, - подтвердил Авося.

- Вот видишь... Наверно, поэтому она на меня иногда и сердится, что ей скучно. Я ведь никогда на нее не сержусь - даже когда она меня наказывает за дело. Вот если бы маме можно было помочь...

Как только Митя это произнес, ему в голову моментально пришла очень хорошая мысль, и он спросил у Авоси:

- Послушай, а в Великоигрании чудес много?

- Только в Великоигрании настоящие чудеса и бывают, особенно в Шутландии, - сказал Авося.

- А игрушечные львы там тоже настоящие? - спросил вдруг Мефодий.

- А какие же еще? У нас в Шутландии все понарошечное становится настоящим, поэтому и игрушечные львы у нас самые настоящие игрушечные львы на свете, - заверил Мефодия Авося.

- А можно принести из Шутландии какое-нибудь, хотя бы самое маленькое, чудо для мамы? - спросил Митя.

- Можно. В нашей Шутландии сплошная разрешандия. Что хочешь, то и делай!

- Тогда я все равно докажу маме, что чудеса есть. Мы отправляемся без спросу! - сказал Митя.

Решение было принято, и Митя уже собрался подбросить пятак, как вдруг ему в голову пришла очень печальная мысль. Нельзя сказать, что Митя обрадовался тому, что она пришла, но поскольку она была уже здесь, то прогнать ее он не мог. А мысль эта была самая грустная из всех мыслей, которые бывают на свете. Она была о том, что когда мама выглянет во двор и не увидит его, то сначала удивится, а потом разволнуется, а потом испугается, а потом заболеет и может умереть от горя. Мите стало жалко маму, потом себя, потом и себя и маму вместе, и он покрепче зажал пятак в кулаке.

- Нет, надо придумать что-нибудь такое, чтобы мама не волновалась, - сказал Митя таким тоном, что все сразу поняли: пока что-нибудь такое не придумается, о путешествии не может быть и речи.

- А может, все-таки отправимся? Хотя бы на минуточку? - спросил Мефодий, которому ужасно хотелось стать настоящим игрушечным львом.

И тут Митю осенило: он ведь совсем забыл про свое открытие.

- Точно, мы отправимся в Шутландию на минуточку. Только эту минуточку надо хорошенько растянуть, чтобы в нее уместилось побольше моего времени с интересными приключениями. Мама и не заметит, что нас не было!

Митя одной рукой крепко прижал к себе Мефодия, другой подбросил пятак, закрыл глаза и...

Глава 7. В чистом поле

Монетка звякнула, Митя открыл глаза и увидел то, чего совсем не ожидал увидеть: вокруг простирался пустырь без конца и без края.

- Добро пожаловать в Шутландию! - радостно сказал Авося.

- Ничего себе страна. Говорил, чудес полно, а тут сплошная пустота. - Митя разочарованно огляделся.

- Не пустота, а простор, - возразил Авося. - Это же Фант-Азия, а Фант-Азии нужен простор, поэтому она и начинается с ничего.

Мефодию было не до того, чтобы разглядывать окрестности. Он был занят делом поважнее: пытался поймать свой хвост, чтобы посмотреть на него теперь, когда он стал настоящим, но хвост в самый последний момент все же умудрялся улизнуть от хозяина.

- Просто удивительно, до чего же эти настоящие хвосты прыткие, - сказал он, запыхавшись.

- Не нравится мне эта Фант-Азия. Ничего в ней интересного нету, - окончательно решил Митя.

- Это в Фант-Азии-то ничего интересного? Да здесь, если хочешь знать, все волшебные страны: Тридесятое Царство, Страна Чудес, Страна Дураков, Игрландия, Шутландия и все остальные, - перечислил Авося.

- Если здесь столько расчудесных стран, то зачем же ты нас притащил на этот пустырь? -

спросил Митя.

- Ничего ты не понимаешь. Это не пустырь. Это поле.

- Это я-то ничего не понимаю? - обиделся Митя и по-своему был прав. Кто же согласится с тем, что он ничего не понимает? - Если это поле, то на нем должно что-нибудь расти.

- Спорим, нет? Это на обычном поле что-нибудь растет, а это поле необычное, - возразил Авося.

К этому времени Мефодий оставил в покое свой хвост и прислушался к разговору.

- Это Поле Брани, - сказал он с видом знатока.

- Чего? - не понял Авося.

- Брани. Как только мы на него попали, тут же начали браниться, - пояснил Мефодий.

- А вот и не угадал. Это просто чистое поле, - сказал Авося.

- Скажи еще, что это Поле Чудес из Страны Дураков, где надо закопать пятак, чтобы выросло целое пятаковое дерево, - сказал Митя и вдруг спохватился. - Ой, а где же мой пятак?

- Да вот же он. - Авося поднял с земли монетку и протянул ее Мите.

- Это не он, - возразил Митя.

- А что же это тогда, по-твоему?

- Не знаю, но это не пятак. Это... Это... Это неизвестно что, вот что это.

- Чего тут неизвестного? Ясно же написано: четыре копейки, - пожал плечами Авося.

- Мама говорила, что четырех копеек не бывает, - заявил Митя.

- Как же не бывает, когда вот они?

Четыре копейки, действительно, были "вот они" - спорить не приходилось.

- А по-моему, если есть одна, две, три и пять копеек, то обязательно должны быть и четыре. Иначе получается нечестно, - справедливо рассудил Мефодий.

- Все равно это не моя денежка. У меня-то был пятак, - сказал Митя.

- Ишь, какой хитренький. Что, этот пятак тебе неразменный, что ли? - сказал Авося. - Думаешь, ты будешь по разным странам путешествовать, а пятак все целехонький будет?

- Так это вроде платы за проезд? - спросил Митя.

- А ты как думал?

- Я об этом не думал, - признался Митя.

- Зато теперь придется подумать, что нам делать дальше.

- Ты ведь здесь живешь, почему это я должен думать? - спросил Митя.

- Потому что я сегодня уже один раз думал, - резонно заметил Авося.

- Как же думать, если здесь даже дороги и то нету. Хоть бы какой-нибудь плохонькой. Вообще неизвестно, куда идти.

- Так бы сразу и сказал: нужна, мол, дорога плохонькая. Это я мигом спрворю, - сказал Авося, и вдруг, как по мановению волшебной палочки, у них под ногами появилась хотя и не очень хорошая, но все же дорога.

Митя уставился на Авося, как будто увидел его впервые.

- Ты всамделишный волшебник?!

- Нет, я

Могистр, я ведь тебе уже говорил.

- И ты можешь все-все?

- Все, что могу, - ответил Авося.

- Так что же ты тогда для мамы чуда не сделаешь? - спросил Митя.

- Сделанных чудес не бывает, - категорично заявил Авося.

- А дорога? - спросил Митя.

- Дорога - она и есть дорога. Разве это чудо?

Митя посмотрел на узкую, кривую дорогу и согласился, что чудом ее, пожалуй, не назовешь.

- Зачем делать чудеса, когда их вокруг полным-полно, - пожал плечами Авося.

- Что-то я никакого полным-полно не вижу, - сказал Мефодий.

- Это оттого, что чудеса на дороге не валяются, - заметил Авося.

Что правда, то правда - на этой дороге не валялось ничего.

- Куда эта дорога ведет? - спросил Митя.

- Куда-то ведет. - Авося сделал неопределенный жест.

- Наверно, если по ней пойти, то где-нибудь мы чудо найдем, - предположил Мефодий.

- Где-нибудь найдем, - подтвердил Авося.

- Тогда мы пойдем... - Митя задумался, какую сторону выбрать.

- Туда, - разом сказали Авося и Мефодий, показывая в противоположные стороны.

- Нет, так ничего не выйдет, - сказал Митя. - Чтобы не заблудиться, нам надо знать, куда идти...

- Для этого надо встретить на дороге камень, - задумчиво сказал Мефодий.

- Какой? - Авося подозрительно покосился на валявшиеся по обочинам булыжники.

- Не такой, а большой, и чтобы на нем было высечено: "Налево пойдешь - коня потеряешь, направо пойдешь - меч потеряешь".

- А зачем? - спросил Авося.

- Как зачем, чтобы знать, куда идти без коня, а куда без меча, - объяснил Митя и добавил: - Только нам такой камень не подойдет. У нас ведь все равно ни коня, ни меча.

Мефодий задумчиво почесал лапкой затылок.

- Действительно ни коня, ни мяча... Как назло мяч дома оставили.

- Если не хочешь заблудиться, то лучше всего идти по столбовой дороге, - сказал Митя.

- По столбовой, так по столбовой, - согласился Авося, и дорога тотчас же стала столбовой: посередине нее появился полосатый верстовой столб со стрелками, они указывали в разные стороны. На одной крупными печатными буквами было написано: "

КУДА-ТО" . Надпись на другой гласила:

"

ГДЕ-НИБУДЬ" .

- Где-нибудь! Это там, где лежит чудо, - обрадовался Митя.

- Точно. Теперь можно считать, что чудо у тебя в кармане, - подтвердил Авося.

На всякий случай Митя сунул руку в карман и с сожалением понял, что так считать еще пока рановато.

- Значит, мы пойдем туда! - Митя указал на стрелку

"ГДЕ-НИБУДЬ" и решительно зашагал вперед.

Они прошли немного.

- По-моему, этот столб нас преследует, - таинственно шепнул Мефодий.

Митя оглянулся. Верстовой столб по-прежнему стоял рядом. Они прошли еще немного. Столб не отставал.

- Ничего не понимаю, - развел руками Митя, - мы идем, идем, а никуда не приходим. И еще этот столб привязался.

- А по-моему, если хочешь куда-то прийти, то и идти надо куда-то, а не бродить где-нибудь, - резонно заметил Мефодий.

- Но там ведь чуда нет, - возразил Митя. - Вот если бы куда-то и где-нибудь были в одной стороне...

- Нет ничего проще. - Авося ухватился за стрелку с надписью

"ГДЕ-НИБУДЬ" и стал поворачивать ее в другую сторону.

Стрелка скрипела и разворачиваться не желала.

- Эй, помогай! - крикнул Авося Мите и Мефодию.

- Зачем? - спросил Митя, тоже толкая стрелку.

- Увидишь... - загадочно сказал Авося.

Наконец стрелка повернулась, но самое удивительное, что и дорога повернулась вместе с ней.

- Порядок! - сказал Авося, отряхивая ладони. - Если куда-то идти, обязательно где-нибудь окажешься.

Теперь позади дороги не было, зато их дорога стала вдвое шире и вела куда-то в таинственное где-нибудь.

Глава 8. Подземелье

Друзья прошли всего несколько шагов, и столб скрылся из виду.

- Вот бы нам клад отыскать, - мечтательно сказал Митя. - Только это очень трудно. Клады всегда хранятся в подземельях, - вздохнул он.

- Ага, и у твоей бабушки клад под землей, в погребке, - подтвердил Мефодий.

- Настоящий? - удивился Авося.

- Не совсем. У бабушки в кладовке хранятся всякие соленья, варенья и компоты. Она говорит, что зимой это настоящий клад, но я-то знаю, что настоящий клад и искать надо в настоящем подземелье, - сказал Митя.

- А где оно? - поинтересовался Авося.

- Откуда мне знать, - пожал плечами Митя. - Подземелье найти непросто. Вон ты живешь здесь и то не знаешь, где оно.

- Кто?! Я?! Да провалиться мне на этом самом месте, если я не знаю, где находится подземелье!..

ТРРАХХ! ТАРАРАХ! - Авося с треском провалился на этом самом месте.

Митя с Мефодием стояли возле неизвестно откуда взявшейся ямы.

- Ой, куда это я провалился? - слышался снизу голос Авоси.

- В какую-то яму. Не бойся, мы тебя сейчас вытащим, - подбодрил его Митя.

- Подождите, по-моему, это не простая яма. Ну конечно, это подземелье! Чего вы там застряли? Спускайтесь сюда!

Митя крепче прижал Мефодия и ногой попытался нащупать в подземелье какую-нибудь опору, но опоры не было, и он спускался все ниже и ниже, пока не соскользнул с края и не полетел вниз.

ПЛЮХ!!!

Митя приземлился на что-то мягкое, но не успел обрадоваться, что все вышло так удачно,

как, к своему ужасу, почувствовал, что они здесь не одни.

- Ой, кажется, я на ком-то сижу, - сказал он.

- Мне тоже так кажется. Лучше спрыгни, - сказал Авося сдавленным голосом.

- Ну да, тут темно, а вдруг я упаду?

- Если не спрыгнешь, то упаду я, - сказал Авося.

Только Митя собрался спрыгнуть, как тот, кого он оседлал, взбрыкнул, и, чтобы не свалиться, Митя еще сильнее вцепился ему в загривок.

- Ой, он еще и брыкается!

- Если не слезешь сейчас же, он еще и кусаться будет, - пропыхтел Авося, и Митя подумал, что, наверное, ему уже здорово досталось от того, кто сидел в подземелье.

- А может, его посильнее пришпорить, чтобы не брыкался? - посоветовал Мефодий.

- Не надо! - взмолился Авося.

Брыкашка брыкнул, Митя с Мефодием кубарем покатались на землю. К этому времени глаза их привыкли к темноте, и они увидели, что кроме них и Авоси здесь никого нет.

- Так это ты брыкался? - спросил Митя Авосю.

- А чего ты на меня уселся? - обиженно сказал Авося.

- Что же ты сразу не сказал, что это ты?

- Я говорил тебе: "Спрыгни!", а ты так рассиделся, что прямо не прогнать, будто я кресло какое.

- Я же не нарочно. Давай мириться, - сказал Митя.

- Ладно уж, так и быть, - простил его Авося. - Скажите еще спасибо, что я у вас такой толковый: раз, два - и подземелье перед вами.

- А мы не заблудимся? - спросил Митя.

- Это со мной-то? Со мной не пропадете! Я все знаю, как свои пять пальцев, - похвалился Авося и ощупью направился вперед.

Митя одной рукой ухватился за Авосю, а другой нес Мефодия, который мучительно решал очень трудный вопрос: носят ли настоящих львов на руках. Наконец Мефодий сказал:

- Вообще-то я и сам могу идти.

- Нет, лучше я тебя понесу, чтобы нам не потеряться, - сказал Митя.

- Ну, если только, чтобы

вам не потеряться, - милостиво согласился Мефодий.

Мало-помалу друзья стали различать в потемках подземные коридоры и переходы, которые то и дело норовили свернуть куда-нибудь в сторону.

- Какое большое подземелье, - сказал Митя. - Хорошо еще, что ты дорогу знаешь.

- Со мной вам просто повезло, - подтвердил Авося. - Такой хороший проводник не каждому достается.

Подземный коридор свернул еще раз, и друзья уперлись в стену.

- Тут тупик, - сказал Митя.

- Ничего, это временные трудности, - небрежно сказал Авося и повернул назад.

Друзья прошли еще немного и вновь оказались в тупике.

- Опять тупик, - сказал Мефодий.

- Ну и что же? Это еще одни временные трудности, - невозмутимо сказал Авося. - Какое же путешествие без трудностей? Так даже не интересно.

Вслед за вторыми возникли третьи, четвертые, пятые, шестые временные трудности.

Наконец Митя сказал:

- По-моему, мы сбились с пути. А еще хвастался, что подземелье знаешь, как свои пять пальцев. Куда ты нас завел?

- Не завел, а привел. Можете радоваться, - сказал Авося.

- Как привел?!

- Очень просто. Ты же сам сказал, что клад лежит где-то в подземелье. Вот мы и есть где-то в подземелье, как ты и хотел.

- В моем "где-то" клад лежит, а в твоём ни зги не видно, - возмутился Митя.

- Подумаешь, чего на нее смотреть, на згу на эту? Тоже мне, нашли зрелище, - обиженно фыркнул Авося.

- Нет уж, если ты нас сюда завел, то выводим назад, - сказал Митя.

- Вот еще! Почему все время я? Теперь твоя очередь.

Куда идти Митя не знал, но кому-то надо было идти впереди, и он возглавил шествие. Они шли то направо, то налево, то прямо, пока наконец Митя совсем не запутался.

- По-моему, мы заблудились, - сказал он.

- Вот всегда так, - торжествовал Авося. - Пока я вас вел, мы шли туда, куда надо, а как только нас повел ты - мы сразу же заблудились.

- Если ты такой умный, то и веди нас сам! - разозлился Митя.

- Сам... сам... сам... - донеслось из тьмы.

Друзья увидели, что они стоят возле темной пещеры.

- К-к-кто т-т-там кричит из т-т-темноты? - спросил Авося, запинаясь.

- Ты... ты... ты... - донеслось в ответ.

- Пойдем, посмотрим, кто там такой, - предложил Митя.

- Ой... ой... ой... - заойкали в пещере.

- А вдруг там дракон внутри? - с опаской спросил Авося.

- Три... три... три... - уточнил кто-то невидимый.

Авося задрожал.

- Видите, их целых три. Вот так попали в беду.

- Иду... иду... иду... - предупредили из пещеры.

Авося попятился.

- Ой-ой-ой, он уже идет. Лично я с драконами драться не мастак!

- Так!.. Так!.. Так!!! - подтвердил некто.

Митя попытался остановить Авосю.

- Постой, а может, и не хочет драк он?

- Дракон?.. Дракон?.. Дракон?.. - переспросили из тьмы.

- Как же, держите карман шире - дракон да драться не хочет, - бормотал себе под нос Авося, постепенно отступая все дальше от пещеры.

- Не бойся, я с тобой! - успокоил его Мефодий.

- Бой!.. Бой!.. Бой!! - зловеще донеслось в ответ.

- Нетушки, мне в бой не хочется совсем, - сказал Авося и так припустил прочь, что только пятки засверкали.

- Съем... съем... съем... - несло ему вслед.

Митя и Мефодий бросились за Авосей, но догнать его оказалось не так-то просто: хорошо еще, что Митя с Мефодием бежали вдвоем, - ведь вдвоем-то бежать вдвое быстрее. Наконец, когда им удалось-таки догнать запыхавшегося магистра, Митя укоризненно сказал:

- Зря мы из пещеры ушли. Надо было ее осмотреть.

- Не люблю я эти пещеры. Того и гляди всякие драконы нападать начнут, - сказал Авося.

- А по-моему, это не дракон и тот, кто сидит в пещере, совсем не страшный, - сказал Митя.

- Ну да, что я глухой, что ли, и не слышал, как он грозился?

- А спорим, с ним можно подружиться?

- А спорим - нет! - от спора Авося никогда не отказывался.

- Тогда пошли. - Митя потянул Авосю за собой.

- Куда? - уперся Авося.

- Назад.

- Нет, мы так не договаривались.

- Ты спорить не умеешь, - сказал Митя.

- Это я-то не умею?! - ничего более оскорбительного Авося в жизни не слышал. - Да я лучше всех спорю! Меня вообще никто не переспорит!

- А тогда спорим, что назад ты не пойдешь! - сказал Митя.

- А спорим - пойду! - сказал Авося как всегда гораздо раньше, чем подумал.

- Вот я и выиграл! - сказал Митя.

- А вот и нет, - сказал Авося, и так как больше всего на свете он не любил проигрывать споры, то обреченно направился вслед за Митей.

Они снова подошли к пещере.

Митя громко, что есть сил, крикнул:

- Когда мы шли, кто нас окликнул вдруг?

- Друг... друг... друг... - ответили из пещеры.

- Друг? - переспросил Авося, не веря собственным ушам.

- Друг... друг... - подтвердил некто.

- Мы будем друзьями всегда? - недоверчиво спросил Авося.

- Да... да... да... - сказал ему новый друг.

- Значит, мир? - спросил Авося для верности.

- Мир... мир... мир... - согласились с ним.

- Ничего не понимаю, как это он сразу вдруг так подобрел и что это за зверь? - спросил Авося у Мити шепотом, боясь снова разозлить хозяина пещеры.

- Сейчас узнаешь, - ответил Митя и опять громко крикнул: - Кто нас пугает ради смеха?

- Эхо... эхо... - донеслось из подземелья.

- Значит, это никакой не дракон, а всего-навсего эхо? - спросил Авося.

- Эхо... эхо...эхо...

- А ты испугался, - засмеялся Митя, и эхо засмеялось вместе с ним.

- Кто?! Я?! Ничуть я не испугался.

- А почему убежал?

- Просто побегать захотелось, а то мы все ходим, ходим, дай, думаю, пробежусь.

- Ладно уж, пошли, - сказал Митя.

Авося отступил в сторону и пропустил Митю с Мефодием вперед.

- Давайте я лучше сзади пойду, а то вдруг кто-нибудь сзади на вас нападет.

Они гуськом зашли в пещеру. Здесь было довольно темно, но Митя сразу увидел маленькую деревянную дверцу, которая показалась ему очень знакомой, только он не мог вспомнить, где же он видел точно такую.

- Смотрите, дверца. Интересно, куда она ведет? - Митя подошел к дверце, толкнул ее и в этот самый момент вспомнил, что точно такая дверца ведет в бабушкину кладовку.

Глава 9. Клад

Дверца со скрипом отворилась.

- Да тут не заперто, - удивленно сказал Митя.

- Ну-ка, дай взглянуть. - Авося ловко протиснулся к двери, оттеснив Митю, заглянул внутрь и решительно заявил: - Все в порядке. Это кладовка. Я же тебе говорил, что со мной не пропадешь. Тут мы чудо для мамы в два счета найдем: добра навалом!

Он с хозяйским видом первым зашел в кладовку. Митя с Мефодием последовали за ним.

Сомнений не было: они нашли настоящий клад! Добра здесь было навалено видимо-невидимо: и сундуки, и коробки с фантиками, и красивые банки, и разные пузырьки, и мотки цветной проволоки, и даже руль от автомобиля - в общем, много всего такого, что может в жизни пригодиться.

- Вот это да! - сказал Митя.

- Выбирай, что хочешь, - великодушно предложил Авося.

И Митя стал выбирать. Он переходил от коробки к коробке, от ящика к ящику, но чем больше выбирал, тем больше понимал, что здесь подарок для мамы не найти. Наконец он совсем отчаялся.

- Ну что, выбрал? - спросил Авося.

- Не очень, - сказал Митя.

- Как это не очень? - не понял Авося.

- Сам бы я много чего выбрал, но мама - это другое дело. Маму так просто не удивишь.

- Ничего, удивим. Так и быть, только для твоей мамы. Есть тут одна вещь, - заговорщически сказал Авося, порылся в гуде всяких металлических шуток и вытащил что-то длинное и ржавое.

- Что это? - спросил Митя.

- Меч-кладунец, - гордо объявил Авося.

Митя схватился за рукоятку и дернул меч из ножен, но не тут-то было. Меч не поддавался.

- Давай, я ухвачусь за рукоятку, а ты за ножны и потянем в разные стороны, - предложил Авося.

Так и сделали. Меч не дрогнул.

После долгих попыток вытащить меч Авося вытер пот со лба и сказал:

- Здорово заржавел! Спорим, теперь его ни за что не вытащишь?

Митя тоже взмок от работы, и спорить ему совсем не хотелось.

- Ну и чудо ты нашел для мамы. Что же это за меч, если его даже из ножен не вытащишь? Разве можно таким мечом с драконом сражаться?

- А твоя мама собирается сражаться с драконом? - с беспокойством спросил Авося.

- Нет, - сказал Митя.

- Тогда все в порядке. Этот меч ей подойдет.

Митя еще раз оглядел меч и погладил его. Если бы он выбирал для себя, то, не задумываясь, взял бы меч, и ничего, что тот не вытаскивается из ножен. Но мама вряд ли обрадуется такому подарку. Митя с сожалением отложил меч в сторону.

- Нет, мамам мечи не дарят. Женщины вообще плохо разбираются в оружии, - сказал он с видом большого знатока.

- Тогда подари ей драгоценные камни, - предложил Авося. - Перед драгоценными камнями ни одна мама не устоит.

- А они настоящие?

- Конечно, настоящие. Что же, по-твоему, понарошечные, что ли?

Авося распахнул настоящую крышку настоящего кованого сундука, и Митя увидел в нем самые настоящие камни. У Мити даже дух захватило от этого зрелища. Камни были, конечно, что надо, самые разные: и синие, и зеленые, и с прожилками, и в крапинку, и даже такие, какие Митя собирал, когда был на даче, серые с блескушками, которые так и переливались на солнце.

Мефодий встал на задние лапки и тоже заглянул в сундук. Потрогав один из камней, величиной с хороший кулак, он уверенно сказал:

- Против такого камня не только мама не устоит. Любой рухнет с первого же удара.

И вдруг Митя увидел красный граненый камешек, точь-в-точь такой, какой он потерял неделю назад. Камешек исчез как раз после того, как мама сделала генеральную уборку, а так как после уборки бесследно исчезало много ценных вещей, то Митя уже не надеялся увидеть его снова.

- Интересно, как он мог здесь оказаться? - удивился Митя, взяв камешек в руки.

- Как, как, - пожал плечами Авося. - Как вообще здесь оказываются драгоценные камни.

Митя сунул свой камешек в карман. Это было по-честному. Он ведь сам потерял его и сам нашел.

- Говорил маме, что он драгоценный, - покачал он головой, - но она даже слушать не хочет.

Нет, камней ей лучше не дарить.

- Почему? - спросил Авося.

- Вообще-то мама у меня очень умная, - начал Митя издалека, - и она знает почти все на свете. Но только... только, по-моему, она не очень-то хорошо разбирается в камнях. Ей больше нравятся маленькие камушки.

- Это потому, что у нее больших не было, - сказал Авося. - А ты ей подари большой камень.

- Уже дарил, - махнул рукой Митя. - Ты просто мою маму не знаешь. Опять, скажет, хламу натащил. Лучше уж давай поищем что-нибудь другое.

- Поищем, поищем, - проворчал Авося. - А чего тут искать?

И вдруг он хлопнул себя по лбу, как будто вспомнил что-то важное и сказал:

- Точно. Надо поискать. Как же это я сразу не догадался?

Ничего не объясняя, он принялся за поиски. Авося шарил руками по полу, ползал на четвереньках, заглядывая во все углы. Митя немного понаблюдал за ним, а потом спросил:

- А что ты ищешь?

- Шапку-невидимку, - сказал Авося.

- Ту, которую надевают на голову, чтобы стать невидимым? - оживился Митя.

- Почему невидимым?

- Как почему? Во всех сказках так говорится.

- Мало ли чего в сказках понапридумывают? - сказал Авося. - Сколько раз тебе объяснять: тут не сказка. В Шутландии все настоящее. И шапка-невидимка тоже. Вы ее где-нибудь видите?

- Нет, - сказал Митя.

- Очень надо... - фыркнул Мефодий.

- То-то же. На то она и невидимка, чтобы ее нигде не было видно, - объяснил Авося.

- А-а-а, понятно, - сказал Митя. - У меня шапка тоже бывает невидимкой. У меня и варежки бывают невидимками. Их только мама умеет увидеть. Она говорит, это оттого, что у меня вещи своего места не знают.

- Они у тебя никогда своего места знать не будут, - проворчал Мефодий.

- Это еще почему? - обиделся Митя. Одно дело, когда мама ругала его за беспорядок, и совсем другое, если об этом говорит хоть и настоящий, но все же плюшевый львенок.

- Почему, почему, - сказал Мефодий. - Как же они могут что-то знать, если у них ума нету! - Львенок выразительно постучал себя по лбу.

- Значит, у тебя безумные варежки? Наверное, это очень интересно. Ну и везет же тебе! - с завистью сказал Авося.

- Везет, да не очень. Мама ведь не понимает, что варежки безумные, вот и ругает меня за беспорядок, - вздохнул Митя.

- Ничего, поищет день-другой шапку-невидимку, сразу поймет, - успокоил Митю Авося. - Только бы нам самим ее найти. До сих пор мне это еще ни разу не удавалось.

- Как? Значит, ты даже не знаешь, тут она или нет?

- Как же я могу это знать, если я ее тут не видел? - развел руками Авося.

- А где ты ее видел?

- Нигде. Какой ты непонятливый. Я же тебе целый час толкую, что на то она и невидимка, чтобы ее не видеть. Вот ты знаешь хотя бы одного человека, который бы видел шапку-невидимку?

- Нет.

- И я нет.

- Так, может быть, ее тут вообще нету, - предположил Мефодий.

- Может быть, и так, - вздохнул Авося.

- Зачем же тогда ее здесь искать? - спросил Митя.

- А вдруг она все-таки тут есть?

- Нет уж, лучше не надо мне никакой шапки-невидимки, - сказал Митя.

- Почему?

- Даже если я ее подарю маме, она ведь все равно ее не увидит. А я ей хочу принести что-нибудь такое, на что можно было бы посмотреть.

- Ну, так бы сразу и сказал. Если надо смотреть, то лучше всего подарить волшебное зеркальце.

На этот раз Авося искал совсем не долго. Он вытащил откуда-то из коробки маленькое зеркальце с ручкой, рукавом протер его от пыли и протянул Мите.

- Самый лучший подарок для мамы. Единственное в мире волшебное зеркало.

- А почему волшебное?

- Так оно же правду говорит! - сказал Авося.

Мефодий беспокойно заерзал. Он давно уже хотел посмотреть на себя в правдивое зеркало и узнать, каков он теперь, когда стал настоящим.

- Ну-ка, дай мне взглянуть, - он повернул к себе зеркальце.

Глянув в зеркальце, Мефодий увидел не то, что ожидал, а совсем другое. Нельзя сказать, чтобы это совсем другое ему понравилось.

- Как, и это тоже смеховое зеркало?! - возмутился он. - А еще говорил, что оно правдивое.

- Конечно, правдивое, - стоял на своем Авося.

- А чего же тогда я тут получаюсь такой маленький?

- Это потому, что зеркальце тоже маленькое. Большой бы ты в нем не уместился. Вот смотри!

- Авося придвинул зеркало к львенку вплотную. Теперь там отражался только нос Мефодия. Убедившись, что в зеркало он не умещается, Мефодий успокоился и, покосившись на зеркальце, примирительно сказал:

- А я уж думал, что это зеркало тоже смеховое, как у Митиной мамы. А почему оно молчит?

- Для того чтобы оно заговорило, надо сказать заклинание, - пояснил Авося.

- Какое? - хором спросили Митя и Мефодий.

- Такое, которое не каждый знает, - важно ответил Авося.

- А ты знаешь? - спросил Митя.

- Конечно! Я знаю все!

- Тогда говори свое заклинание поскорее, - Мефодию не терпелось услышать, как зеркальце разговаривает.

Авося наморщил лоб, на мгновение задумался, а потом, хитро прищурившись, сказал:

- Я его так долго знал, что даже забыл.

Видя, что Митю его слова очень огорчили, Авося поспешно добавил:

- Когда у меня будет лишнее время, я подумаю и его вспомню.

- А может быть, надо как в сказке произнести: "Ну-ка, зеркальце, скажи, всю мне правду доложи"? - предположил Митя.

- Ну, конечно! Так и есть! - подтвердил Авося.

Мефодий откашлялся, чтобы произнести заклинание без запинки, и сказал:

- Ну-ка, зеркальце, скажи, всю мне правду доложи!

И тут, как и полагалось, зеркальце молвило в ответ:

- Ты прекрасен, спору нет.

До сих пор Мефодий чувствовал себя просто настоящим львом, но теперь, когда узнал, что он к тому же бесспорно прекрасный, надулся от гордости.

- Ты на свете всех милей, - продолжало зеркальце.

Мефодия прямо-таки распирало от гордости.

- Всех румяней и белей. - Зеркальце замолчало.

Гордость, распиравшая Мефодия, съежилась. И это было как раз вовремя, иначе львенок мог бы от нее лопнуть.

"Уж не ослышался ли я?" - подумал Мефодий и посмотрел на Митю. Митя с недоумением посмотрел на Авося, а Авося, не замечая замешательства, бодро сказал:

- Ну, что я говорил! Разговаривает! Такое зеркальце просто находка для мамы, правда?

"Точно, ослышался", - подумал Мефодий и сказал:

- Знаешь, у меня что-то в ушах жужжало, и я плохо расслышал, что оно там говорило.

- А ты спроси снова, - предложил Авося.

Мефодий кивнул и важно произнес:

- Ну-ка, зеркальце, скажи, всю мне правду доложи.

И зеркальце повторило:

- Ты прекрасен, спору нет.

Мефодий кивнул в знак согласия.

- Ты на свете всех милей...

До сих пор все было правильно, и Мефодий опять кивнул.

- Всех румяней и белей.

Мефодий хотел кивнуть в третий раз, но вовремя спохватился.

- Это оно про кого? - спросил он.

- Про тебя, конечно, - серьезно сказал Митя. На самом деле он едва сдерживался, чтобы не расхохотаться. Но надо же было проучить Мефодия, чтобы тот не задавался, поэтому Митя, даже не улыбнувшись, продолжил: - Это очень правдивое зеркало. Или у тебя опять в ушах жужжало?

Львенок, не видя подвоха, сказал:

- Опять.

- А ты попробуй еще раз.

И Мефодий попробовал. Теперь он не надувался от гордости, а внимательно прислушивался, не зажужжит ли у него в ушах.

В ушах не жужжало, и он мог бы поклясться, что зеркало сказала именно эти слова: "всех румяней и белей". Мефодий задумчиво уселся на пол. Глядя на его озадаченную мордочку, Митя больше не мог сдерживаться и расхохотался. Тут только Мефодий понял, что попал впросак. Мефодий с обидой посмотрел сначала на Митю, а потом на злополучное зеркало. Ни один настоящий лев не мог допустить, чтобы его безнаказанно называли румяным, и поэтому он яростно ринулся на зеркало.

Митя попытался остановить Мефодия, но как раз в тот момент, когда ему удалось-таки ухватить львенка, раздался звон разбитого стекла, и Митя понял, что для зеркальца это был последний разговор.

- Что ты наделал! - укоризненно вскрикнул Авося.

- А пусть не дразнится, - буркнул Мефодий, уверенный в своей правоте.

- С чего ты взял, что оно дразнится? - спросил Авося.

- А чего оно говорит, что я всех румяней и белей?

- Да потому что это зеркало не для львов, а для мам, - пояснил Авося. - Для мамы это самое

правдивое зеркало на свете, правда? - спросил он у Мити.

Митя подумал о своей маме, которая, он был убежден, была самой красивой на свете, и о том, как жаль, что мама не получит в подарок такое замечательное волшебное зеркало, и еще о том, что мама была права, когда говорила, что ни один плохой поступок не остается безнаказанным. Смеяться над Мефодием и дразнить его было очень плохим поступком - ведь это такой верный и преданный друг. Львенок стоял в сторонке, понутив голову.

- Это я во всем виноват. Больше я никогда не буду дразниться, - сказал Митя.

Увидев, что он неожиданно прощен за разбитое зеркало, Мефодий бросился к Мите и лизнул его в щеку фетровым язычком, чтобы хоть немножко утешить, но на душе у Мити все равно было грустно-прегрустно.

- Не огорчайся, - подбодрил Митю Авося. - Мы же еще не все осмотрели. Может быть, твоей маме что-нибудь нужно?

Митя подумал. Вроде бы у мамы все было. И вдруг он вспомнил: ну, конечно, была одна очень нужная вещь. Мама уже несколько раз говорила, что в этом году ей нужны новые сапоги, потому что старые промокают, и когда начнется слякоть, ей не в чем будет выйти на улицу.

- Ну так что? - спросил Авося.

- Вообще-то маме нужны сапоги, но ведь здесь сапог нет.

- Здесь есть все! - уверенно сказал Авося. - Мы ей не просто сапоги найдем, а сапоги-скороходы.

- Это даже лучше, - обрадовался Митя. - Мама не любит в транспорте ездить, а со скороходами она сможет пешком ходить хоть в другой конец города.

- Еще бы! С такими сапогами хоть куда! - подтвердил Авося.

Митя уже представлял себе, как мама удивится и обрадуется, когда он подарит ей пару отличных сапог-скороходов. И тут Авося протянул ему нечто, покрытое густым слоем пыли. Очертаниями это нечто отдаленно напоминало сапоги.

Мефодий понюхал их, чихнул пару раз и отошел в сторону, решив, что если на свете и есть вещи, которые совершенно не интересуют настоящих львов, так это сапоги-скороходы.

- Немножко запылились, - смущенно сказал Авося и принялся очищать сапоги, но скоро Митя увидел, что этого можно было бы и не делать. Наверное, именно так должны были выглядеть сапоги, которые не снимая носили лет сто. Они были рваные, сморщенные и скособоченные, а носы стерты так, как будто сапоги не только носили, но и гоняли ими консервные банки.

Митя так и ахнул.

- Благодарить потом будешь, когда твоя мама оценит их по достоинству, - гордо сказал Авося.

- Но они же совсем старые, - сказал Митя.

- Ты что! Посмотри, какие подметки крепкие! - Авося пощелкал ногтем по подошве. - Они еще о-го-го сколько прослужат! Бери, не сомневайся.

Мите не хотелось обижать Авосю, поэтому он сказал:

- Вообще-то это хорошие сапоги, но маме они будут малы.

Авося с удивлением посмотрел на сапоги, в каждый из которых с легкостью вошли бы две ноги любой мамы и с восхищением сказал:

- Ну и ножищи у твоей мамы! Она, наверное, настоящая великанша! А может, она их разносит?

- Нет, я хотел сказать, они ей будут велики, - поспешно поправился Митя.

- Ну, это ничего, - с облегчением сказал Авося. - Надо в носок ваты напихать, и они ей будут впору.

- Понимаешь, они не очень-то модные, а мама носит только очень модные сапоги, - отпирался Митя.

- Я-то все понимаю, а вот мама твоя в сапогах ничего не понимает, - авторитетно заявил Авося. - Но это оттого, что у нее в жизни хороших сапог не было. Это же отличная штука. Настоящие скороходы: одна нога здесь, а другая там. Да ты сам посмотри. Вот попробуй, надень, - уговаривал Митю Авося.

Мите надоело спорить, поэтому он натянул сначала один сапог, потом... Он застыл с открытым от удивления ртом, позабыв про второй сапог, потому что первый куда-то исчез. Это бы еще ничего, если бы он исчез сам по себе, но он исчез вместе с Митиной собственной ногой. Митя протер глаза в надежде на то, что ему это показалось, но, увы, он стоял на одной ноге, а другой как не бывало.

- Ой, - сказал Митя. - Ой, ой, - повторил он. - Где же моя нога?

- Что я говорил! - обрадовался Авося. - Сапоги-скороходы - это вещь! Одна нога здесь, а другая - там!

- Я не хочу, чтобы другая там. Я хочу, чтобы обе здесь, - сказал Митя. - Или, на худой конец, обе там.

- Нет ничего проще, - сказал Авося. - Надень второй сапог.

Мите не нужно было объяснять дважды. Он быстренько надел второй сапог и оказался

ТАМ .

Глава 10. Обычный слет

Т

АМ Мите сразу понравилось, потому что он оказался на лесной поляне. Со всех сторон поляну окружал светлый березовый лес. Белые деревца тянулись к небу, как будто состязались, кто из них стройнее и выше. Солнце путалось в их кудрях, и от этого они казались еще наряднее и праздничнее. Митя огляделся: ни Авоси, ни Мефодия рядом не было. Настроение у Мити сразу испортилось.

"Ни души, - печально подумал он. - Хотя бы какая-нибудь букашка или козявочка была".

И вдруг, как по команде, со всех сторон стали слетаться жучки, козявочки, букашки и божьи

коровки. Поляна ожила, и знойный летний полдень наполнился жужжанием и стрекотом.

"Чего это они все сюда слетаются? Может быть, у них здесь слет?" - подумал Митя и, представьте себе, оказался прав. Вся эта мелюзга стала спешно рассаживаться по листкам.

Мошкара, которая прилетела раньше других, заняла самые лучшие места на лепестках цветов, а прилетевшим следом жучкам и букашкам ничего не оставалось, как довольствоваться местами попроще на листочках и травинках.

Вокруг цветов началась такая толкотня и перебранка, что неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не Майский Жук, который, судя по всему, был здесь главным.

Выглядел Жук очень представительно. Его толстое брюшко было обтянуто мохнатой жилеткой, а коричневые крылышки блестели на солнце, словно атласный пиджак. Он взгромоздился на огромный лист лопуха, рядом с которым рос крупный лиловый колокольчик, громко кашлянул и сказал:

- Попрошу тишины!

Все разом примолкли и уселись кто где был. На одной ромашке оказалось так много сидящих, что стебель не выдержал, она склонилась до самой земли, и букашки роем взвились над цветком. Ромашка спружинила и поднялась опять. Майский Жук строго посмотрел на нарушителей порядка, и жучки поспешили усесться. На сей раз счастливыми обладателями мест на цветке оказались те, кто был побольше и посильнее, а раздосадованная мошкара облепила листки.

- Разрешите считать наш слет открытым! - торжественно произнес Майский Жук.

Все приветственно захлопали крылышками, застрекотали, зажужжали, загудели и загалдели, и поднялся такой шум, что Майскому Жуку пришлось дернуть за серебристую паутинку, привязанную к колокольчику, где в это время дремал старый Паук. Его не пригласили на слет, ведь он не умел летать да к тому же от старости был глуховат и все равно мало что услышал бы.

Может быть, кто-нибудь подумает, что колокольчик не самое подходящее место для сна, но Пауку оно нравилось, потому что, когда в паутину попадала какая-нибудь мошка, колокольчик начинал дребезжать, как будильник, над самым его ухом, и старичок-паучок бросался за добычей.

Так все случилось и на этот раз. Как только Майский Жук дернул за паутинку, колокольчик зазвенел, все присутствующие затихли, а из колокольчика выскочил заспанный Паук. Он протер глаза спросонья, прошелся по паутине вдоль и поперек и озадаченно почесал затылок: с чего бы колокольчику звонить, если в его сетку-ловушку никто не попался?

"Наверное, померещилось", - вздохнул Паук и вернулся в свое укрытие досыпать. Бедняжка к старости был не только туг на ухо, но еще и подслеповат и даже не заметил, что возле его дома полным-полно народа.

Все это было так забавно, что Митя чуть не рассмеялся, но как раз в это время Майский Жук сказал:

- Сегодня

на повозке для у нас три вопроса.

- На повозке для чего? - спросил Митя.

Никто не удивился ни его вопросу, ни тому, что он попал на слет, как будто это было самым обычным делом.

- Конечно, для трех вопросов, - ответил Майский Жук и продолжал: - Первые два вопроса целиком посвящаются божьим коровкам, поэтому мы рассмотрим их с

разных кочек зрения.

- А почему с кочек? - не понял Митя.

- Потому что с кочек лучше видно, чем с ровного места. Стыдно не знать таких простых вещей, - сказал Жук, назидательно подняв лапку. - Итак, вопрос первый: божьи коровки отчитаются о своих

умунепостижениях. Второе: жук-коровед выступит с докладом "Слово о коровках божьих". И, наконец, третье: мы опять опустим вопрос о запрещении охоты на жука-оленья.

- А почему вы опять опустите его? Обычно вопросы поднимают, - прервал Жука Митя.

- Легкие вопросы поднимают. А это очень тяжелый вопрос. Нам его все равно не поднять, поэтому мы его все время опускаем. Удивительно, до чего же некоторые глупы и невоспитанны. Мало того, что пристают с вопросами, да еще и перебивают на каждом шагу, - фыркнул Жук и многозначительно глянул на Митю. Митя собрался обидеться, но не успел, потому что необычный слет продолжался, а если обижаться, можно пропустить самое интересное.

- Попрошу первого оратора, - крикнул Майский Жук.

Первым оратором оказалась Божья-Коровка-С-Семью-Точечками-На-Кры лышках. Она забралась на лист лопуха и заорала:

- Как известно, коровки бывают двух видов, а именно: коровки божьи и коровки обыкновенные; о

БЫК новенные коровки называются так, потому что среди них есть не только коровки, но еще и быки.

- Ничего подобного, - прервал ее Митя. - Обыкновенными могут быть и божьи коровки.

- Сейчас вы слышали самую глупую мысль из всех глупых мыслей, - проорал оратор.

Это было уж слишком! Никто на свете не стерпел, если бы его все время одергивали и называли глупым. И Митя больше молчать не стал.

- Сами вы глупые! - с достоинством сказал он.

Что тут началось! Все зажужжали, загудели, защелкали, зацикали, захлопали, затопали, застрекотали и заверещали так, что даже глухой паучок-старичок заворочался во сне. А когда Майский Жук дернул за паутинку и зазвонил в колокольчик, Паук проснулся окончательно. Вытаращив глаза, он выскочил из колокольчика. Паутина была пуста. Паучок-старичок заглянул в каждый уголочек, обследовал каждую паутинку, но все напрасно. Добычи не было. Паук с досады крякнул, топнул и скрылся в колокольчике.

Букашки угомонились, а Майский Жук строго обратился к Мите:

- Пререкания еще не начались, и тебе слова никто не давал.

- Но... - начал было Митя.

- Никаких "но", а если ты еще посмеешь прервать наш слет, то будешь иметь дело с осами, они наведут порядок. Просим оратора продолжать.

Оратор продолжил.

- Путем многочисленных

скучных преследований и оспориментов, которые еще никто не оспорил, нами доказано, что корова обыкновенная является тем простейшим, бескрылым, земным существом, от которого произошло существо высшее - божья коровка.

Мите тут же захотелось оспорить эти "

оспорименты", но он вспомнил, что один раз уже имел дело с осой, и спорить ему почему-то расхотелось.

- Сейчас группа слепней работает над приручением и дрессировкой обыкновенных коров, - продолжал оратор. - Слепни добились больших успехов, и сейчас вы сами в этом...

Голос у выступающего сорвался, и последнее слово было произнесено шепотом, так что его никто не расслышал. Митя понял, что оратор свою речь закончил.

На лист лопуха между тем взобрался Слепень, храбрец-молодец. Он не стал тратить времени на слова, а раскланялся и полетел прочь. Все взоры устремились за ним. Зрители перебрались на веточки повыше.

Мите мешал развесистый куст клюквы, он раздвинул ветки и увидел зеленую лужайку. Из травы то там, то здесь выглядывали розовые и лиловые головки клевера. Невдалеке паслась самая обыкновенная корова. Она мирно пощипывала траву и долго и старательно пережевывала ее.

- Стоять! - на лету скомандовал Слепень корове, как будто та собиралась убежать.

Мите показалось, что корова не обратила на него никакого внимания. Она как и раньше долго и старательно пережевывала траву, выискивая клевер послаще.

- Только посмотрите, она слушается! Стоит! - пронеслось среди восхищенных зрителей.

Бравый Слепень глянул на зрителей так, что все поняли, что он может еще и не такое. Потом он сделал над коровой круг и сел ей прямо на рог.

- Ах, какой смельчак! Он схватил ее за рога! Сейчас я упаду в обморок! - воскликнула Стрекоза и шлепнулась без чувств.

- Скорее воды... Скорее воды... - подталкивали друг друга жучки, не двигаясь при этом с места: кому же охота пропустить такое захватывающее зрелище? Когда Стрекоза поняла, что воды ей придется ждать еще долго, любопытство взяло верх над ее слабыми нервами, и она подскочила посмотреть, что будет дальше.

Слепень сел на траву перед коровой.

- Очень опасный трюк, - провозгласил Майский Жук. - Видите, он кормит корову из рук. Какая дрессировка!

- Ох, это так опасно, ведь корова может покусать! - воскликнула Стрекоза и хотела опять упасть в обморок, но передумала.

Между тем дрессировщик сел корове на спину.

- Он ее оседлал! - восхитились зрители.

Корова терпела, терпела, но ей это надоело, она лениво махнула хвостом и смахнула храбреца прочь. Тут любой бы растерялся, но не бравый Слепень!

Дрессировщик полетел назад и, подлетая к зрителям, победоносно крикнул:

- Видали, как я ее пришпорил?

- Bravo! Bravo! Bravo! Храбrecу слава! Слава! Слава! - слышалось со всех сторон.

Героя осыпали цветочной пылью и усадили в первый ряд самых почетных гостей.

Шум и аплодисменты так долго не затихали, что Майский Жук потянул за паутинку. Колокольчик зазвонил. Паук, которому теперь сон был не в сон, как ошпаренный выскочил из колокольчика и ринулся на поиски добычи. Когда и на этот раз паутина оказалась пуста, он с негодованием затопал и стал в ярости рвать тонкие нити.

А колокольчик звонил,

звонил,

звонил,

звонил очень долго.

Наконец старичок-паучок умирился и остановился. Он устало прислонился к стеблю колокольчика, поднял голову и только тут увидел Майского Жука, который нарушал его покой. В приливе нового приступа ярости старикашка бросился на обидчика, но сослепу оступился и провалился в дырку, которую сам только что прорвал. Хорошо еще, что ему удалось вовремя ухватиться за паутинку-веревочку. Вскарабкавшись по ней, старичок-паучок в сердцах плюнул, погрозил Майскому Жуку и гордо удалился.

Майский Жук продолжал:

- Переходим к пререканиям. Кто хочет выступить?

- Можно я? - сказала Божья Коровка с кокетливо закрученными усиками, которая сидела рядом с Жуком-Рогачем. Она расправила крылышки и полетела к листу лопуха. Божья Коровка была такая хорошенькая, и ее крылышки так блестели на солнце, что жучки с нескрываемым восхищением провожали ее взглядами, а Вредная Черепашка проворчала: "Прилететь на слет с такими коротенькими крылышками. Позор! И что они все в ней находят? Ничего особенного!"

Между тем Божья Коровка была уже на листе лопуха. Она стрельнула глазками по сторонам, чтобы посмотреть, какое производит впечатление, и сказала:

- Предлагаю переименовать конфеты "Коровка" в конфеты "Божья коровка". У меня все, - хихикнула она и под восторженные рукоплескания полетела на свое место. Когда она пролетала мимо отважного Слепня, тот бросил ей облако цветочной пыли. Хорошо еще, что Жук-Рогач ничего не заметил. Надо сказать, что он вообще ничего вокруг не замечал, то ли оттого, что был очень стар, то ли оттого, что тяжелые рога все время тянули его голову к земле.

- А теперь мы слушаем нашего Жука-Короведа, - объявил Майский Жук.

- Короеда, - поправил Митя.

- Вот именно,

короведа , лучшего знатока божьих коровок, - сказал Майский Жук и так посмотрел на Митю, что тот решил промолчать.

Жук-Короед совсем не был оратором, потому что орать он, наверное, не умел и вообще говорил очень тихо:

- Сегодня я хотел бы остановиться на достоинствах...

- Не надо останавливаться. Чего на них стоять? - возразил Майский Жук, который забеспокоился, что если Жук-Короед на чем-нибудь остановится, то они никогда не дойдут до конца заседания.

- Сегодня я хотел бы пройтись по достоинствам всемирно известного произведения "Слово о коровках божьих", - покорно исправился жучок.

Майский Жук с удовлетворением кивнул.

- Трудно сказать, когда это великолепное творение появилось впервые, - продолжал Короед. - Есть мнение, что это случилось еще по появления нашей

лиственности . Это предполагает, но совсем не исключает, а даже наоборот... Но может быть и иначе... Есть мысль, что...

Солнце стояло высоко. Над поляной разлился полуденный покой. Казалось, все замерло. Тягучий воздух был напоен зноем. Тихий, заунывный голос жучка навевал дремоту. Глаза у Мити стали слипаться, голова его упала на грудь, и от этого он встrepенулcя. Все вокруг спали. Во сне Майский Жук все ниже и ниже клонился к стеблю колокольчика, и, как раз когда он готов был навалиться на него, Короед подхватил его, усадил ровно и, не прерывая своего доклада, назидательно сказал:

- Послушайте, это интересно.

- Да, да, - в полудреме пробормотал Майский Жук и стал досматривать свой сон.

Короед невозмутимо продолжал:

- Кто из нас с детства не знает этих строк:

Божья коровка,

Улети на небо,

Принеси нам хлеба:

Черного и белого,

Только не горелого.

Вдумайтесь в этот образ божьей коровки-труженицы, которая приносит нам хлеб, причем не просто хлеб, но хлеб разных сортов. Именно это и хотелось бы подчеркнуть.

Подчеркнуть Жук-Короед не успел, потому что в это время Майский Жук опять низко склонился к стеблю колокольчика, и докладчик едва успел поддержать его.

- Послушайте, это ведь интересно, - сказал Короед.

Жаль только, что кроме Мити никто его слышать не мог. Все спали.

- Есть еще и другие варианты этой бессмертной поэмы, - продолжил Короед,-

Божья коровка,

Улети на небко,

Там твои детки

Кушают конфетки.

Из этих строк мы узнаем, как живут, то есть что жуют божьи коровки. Как говорится, не хлебом единым...

Муха, которая сидела прямо над паутиной, во сне не удержалась на листе и нечаянно свалилась вниз прямо перед входом в убежище Паука. Колокольчик звякнул, Муха завопила, паутина задрожала, Майский Жук спросонья все-таки ударился головой о стебель, колокольчик трезвонил как на пожар!!!

Все проснулись и подались кто куда. Через мгновение на поляне никого не было. Улетела даже Муха, которую, как и полагается, освободил удалец-комар. А Паук так и не вылез из своего укрытия - ему надоели эти глупые шутки.

Митя с тоской оглядел опустевшую поляну и увидел, что остался не один: на листе лопуха сиротливо сидел Короед.

- Куда же вы? Это ведь интересно! Вернитесь... - растерянно бормотал он.

Одинокий жучок был таким жалким, что Мите захотелось его немножко подбодрить.

- Все было правда очень интересно, - сказал Митя.

- Я всегда знал, что в толпе найдется хотя бы один умный человек, - сказал Короед, и Митя подумал, что Короед не такой уж глупый, как могло показаться на первый взгляд. Во всяком случае он гораздо умнее Майского Жука.

-И тут Мите в голову пришла мысль. Было бы очень хорошо, если бы Короед прочитал свою речь маме. Тогда бы она точно поверила в чудеса!

- Скажите, пожалуйста, а вы не могли бы прочитать свою речь моей маме? - вежливо спросил Митя.

- А ее интересуется литература? - спросил Короед.

- Еще как интересуется! - с жаром заверил Митя.

- Тогда летим хоть сейчас, - согласился жучок, но вдруг попятился, пролепетал: "Ой-ой-ой, я, пожалуй, пойду" - и скрылся в траве.

- Эй, а как же доклад? - спросил Митя, шаря руками по траве, но жучка и след простыл.

Вдруг Митя услышал за спиной странное покашливание. Он оглянулся.

Глава 11. Потерянный человек

- Что это жучок так быстро сбежал? - задумался Митя.

- Крра-крра, - послышалось у Мити за спиной чье-то покашливание. Митя обернулся. Перед ним сидела Сорока. Митя не знал, как надо обращаться с сороками в Шутландии, поэтому на всякий случай сказал:

- Здрассте.

Это было вполне подходящее слово, потому что если Сорока умеет разговаривать, то оно означает, что с ней поздоровались, а если не умеет, тогда получится, что он сказал "здрассте" просто так.

По правде говоря, он не очень удивился, когда Сорока ответила:

- Привет!

- Как ты здесь оказалась? - спросил Митя.

- Странный вопрос. Живу я здесь. Это ты как здесь оказался?

- Я оказался из кладовки, - сказал Митя. - Мы с Авосей и Мефодием нашли там клад.

- Врррешь! - не поверила Сорока.

- Честное-пречестное слово, - поклялся Митя.

- Ну и где же твой клад?

- Потерялся, - развел руками Митя.

- Ррразиня, пррростофиля! Как ты мог потеррять целый клад?

- Очень просто. Сначала мы клад нашли, а потом он потерялся вместе с Авосей и Мефодием.

- Сперррри они твой клад, - сказала Сорока.

- Кто?

- Эти самые Авося и Мефодий. Сперррри и деррру дали.

- И вовсе не они, а я сам на сапогах-сороходах. И вот оказался здесь.

- Тогда это не они потерррялись, а ты потерррялся, - уточнила Сорока.

- Нет. Как же я мог потеряться, когда я - вот он? А их нету. Значит, это они потерялись, - уверенно сказал Митя.

- Ну Авося и Мефодий - невелика потерря. Но проворронить целый клад?! Нет, после этого ты - точно человек потерянный.

- Ничего я не потерянный, - сказал Митя, но уже без особой уверенности в голосе, потому что вдруг вспомнил, как мама разговаривала с одной знакомой тетей, у которой муж тоже был человек потерянный. К своему ужасу, Митя понял, что все признаки сходились. Тот дядя тоже:

"вечно искал чего-то необыкновенного" - это раз,

"порастерял всех друзей" - это два,

"шатался неизвестно где" - это три

и, "наконец, дошел до ручки".

Что это была за ручка, Митя толком не знал, потому что это была как раз такая ручка, про которую "узнаешь, когда вырастешь". Но, судя по всему, дойти до нее было нехорошо, потому что эта тетя ругалась на этого дядю так, как можно ругаться только на человека, который разорвал свои праздничные штаны или залез в новых сандалиях и белых гольфах в самую большую лужу. Митя еще тогда подумал, что на месте того дяди он бы лучше оставался потерянным и не торопился исцаться, пока тетя так сердится.

- Я до ручки не дошел, а значит, я не потерянный, - сказал Митя Сороке.

- Ничего, дойдешь, - успокоила она его. - Надо же, целый клад проворронил. Ты что, так-таки ничего оттуда и не взял?

- Почему не взял? Вот драгоценный камень. - Митя достал из кармана свой красный камешек.

- А ну-ка, дай я его потрогаю, а то ведь я его все равно не увижу. Я ведь слепая, - сказала Сорока.

- Неужели слепая? - удивился Митя. До сих пор ему казалось, что Сорока очень даже зрячая, но ведь никогда нельзя знать наверняка, тем более что до сих пор ему ни разу не приходилось разговаривать ни с одной сорокой.

- Да, совсем слепая. Ничего не вижу, хоть глаз коли. Вот ты, например, букашку во-он на том кусте видишь? - спросила Сорока, указывая на куст на другом конце поляны.

- Нет, не вижу, - сказал Митя.

- Ну как же не видишь? Крылышки у нее такие красные, заметные.

- Нет, - сказал Митя, глядя во все глаза на куст.

- Ну, еще на каждом крылышке по две черные точки, - пояснила Сорока.

- Не вижу, - помахал головой Митя.

- Вот и я не вижу, - вздохнула Сорока и повертела хвостом. - А хвост мой видишь?

- Хвост вижу, - сказал Митя.

- Ну вот, а я его не вижу. Я же тебе говорю, что я совсем слепая. Так что ты мне лучше свой камушек пощупать дай.

Митя доверчиво протянул ладошку. Сорока слетела с ветки, схватила в клюв камешек и взмыла вверх, унося Митино сокровище.

- Эй, куда же ты? Верни камень! - крикнул ей Митя вдогонку. Но Сорока, видно, оказалась не только слепая, но еще и глухая, потому что она даже не обернулась.

Митя побежал было за ней, но вскоре она скрылась за деревьями. Митя с досадой остановился, но тут увидел нечто такое, отчего сразу же позабыл и о сороке-воровке, и о потерянном камне. Перед ним висела

РУЧКА . Да, это была самая обыкновенная ручка, какие бывают на дверях в каждой квартире, если только самые обыкновенные ручки могут висеть сами по себе.

При виде ручки потерянный человек Митя невольно отступил. По правде говоря, он испугался: шутка ли, дойти до ручки! Но вскоре Митя взял себя в руки.

- Подумаешь, если я даже и дошел до ручки, то точно так же могу от нее и уйти, - подбадривающе сказал Митя сам себе. - Вот прямо сейчас возьму и уйду.

И он непременно ушел бы. Вот прямо сейчас взял бы да ушел. Но было все-таки интересно узнать, как же она висит?

Митя сделал шаг... к ручке. Ручка не шелохнулась. Еще один шаг - ручка висела как ни в чем не бывало на прежнем месте.

Митя немножко осмелел:

- Я же не собираюсь доходить до ручки навсегда. Вот только посмотрю, как она висит, и сразу же уйду.

С этими словами он решительно подошел к ручке, обошел ее с разных сторон и убедился, что ручка действительно висит

ни на чем .

"Интересно, а она упадет, если ее дернуть?" - подумал Митя.

Он обошел ручку еще раз.

"Наверное, упадет, - размышлял он, - а может быть, и не упадет".

- Ладно, я только один разочек дерну ее на спор - "упадет или не упадет" - и сразу же уйду, - решил он.

Сказано - сделано. Митя дернул за ручку, послышался скрип дверных петель, и Митя понял, что перед ним открылась какая-то невидимая и невиданная дверца, потому что через нее он увидел совсем другое место, а не ту поляну, где стоял. Но самым удивительным было то, что там, вдалеке на бревнышке, сидели Авося и Мефодий.

- Авося, Мефодий! - крикнул Митя и, не задумываясь, шагнул за невидимую дверцу. Услышав стук захлопывающейся двери, он оглянулся и увидел, что ручка и прежняя поляна куда-то исчезли, а он стоял в совершенно незнакомом месте. Зато теперь он был человек ничуть не потерянный, потому что к нему со всех ног бежали Авося и Мефодий...

Глава 12. На Кудыкину гору

- Вот здорово, что все мы опять нашли! - радостно сказал Митя.

Авося оглядел его со всех сторон и спросил:

- А сапоги где?

Митя так увлекся слетом, что совсем забыл про сапоги-скороходы и только теперь вспомнил о них.

- Потерялись, - пожал он плечами (и честно говоря, он об этом ничуть не жалел).

- Вот всегда так: я искал, искал изо всех сил, а он взял и потерял, - проворчал Авося. - Куда мы теперь за чудом пойдём?

- Что ты заладил: "Куда, куда?" На Кудыкину гору. Почему я знаю, куда идти. Это ведь ты живешь в Шутландии - ты и веди.

- Так бы сразу и сказал. Пошли.

- Куда? - спросил теперь уже Митя.

- На Кудыкину гору. Ты ведь сам хотел, - сказал Авося.

- А разве она есть на самом деле? - удивился Митя.

- А это, по-твоему, что?

Вдалеке виднелась не то чтобы очень большая, но все же гора.

- На Кудыкину, так на Кудыкину, - согласился Мефодий. - Только ты, Митя, держись ко мне поближе, а то без меня еще пропадешь.

Митя взял Мефодия на руки. На этот раз львенок не раздумывал, прилично ли это настоящему льву: его долг был находиться рядом с Митей, чтобы суметь защитить его ото всех подстерегающих опасностей.

- Нам бы еще хорошую дорогу, - сказал Митя, поглядывая на Авося.

- Пожалуйста, - сказал Авося, и перед ними тотчас появилась дорога.

Что это была за дорога! Широкая и ровная, обсаженная с двух сторон молоденькими цветущими деревцами. Просто заглядение!

- Вот это дорога! - похвалил Митя Авося. - По такой дороге можно хоть сто километров идти. Умеешь ведь делать хорошо, если постараться.

Что еще нужно для приятной прогулки? Светило солнце, впереди расстилалась превосходная дорога, и друзья бодро зашагали вперед, болтая о том о сем и с удовольствием предвкушая новые приключения.

Они шли... шли... шли...

Солнце стало припекать, впереди по-прежнему была дорога, которая вполне могла бы быть и покороче. Друзья устали и поубавили шаг. Удовольствие отстало где-то по пути, и теперь они шли без удовольствия. А вскоре и вовсе: солнце стало нестерпимо жечь, дорога, которая давно должна была бы кончиться, видимо, сама об этом не знала и продолжала тянуться...

Друзья еле волочили ноги, а гора между тем и не думала приближаться. Наконец Митя остановился.

- Что эта дорога бесконечная, что ли? - с досадой сказал он.

- Почему бесконечная? Всего сто километров, как ты и хотел, - невозмутимо сказал Авося.

- Я хотел?!!

- Ну не я же. Ты сам сказал, что по такой дороге можно пройти хоть сто километров.

Митя вытаращил глаза и уставился на Авося:

- Ты что, с ума сошел? Ну и сделал дорогу! Мы же так целый год идти будем!

- Нет, недели за две дойдем, - уверенно сказал Авося.

- За две недели? Ты думаешь, что время можно сколько угодно растягивать? - возмутился Митя.

- Если время очень сильно растягивать, то у него может лопнуть терпение, - сказал Мефодий.

- Вот именно, - подтвердил Митя. - Не хватало еще, чтобы оно лопнуло.

- А что же теперь делать? - спросил Авося.

- Что делать, что делать, - передразнил его Митя. - Вот сделал такую длинную дорогу, сам ее теперь и укорачивай.

- На сколько? - спросил Авося.

- Что на сколько? - не понял Митя.

- Дорогу укорачивать на сколько. Во всем должна быть точность, чтобы ты потом не говорил, что я укоротил ее не так.

- Давай на девяносто девять километров, - сказал Митя наобум.

- Хорошо, - согласился Авося.

Т Р Р А Х Х !!!

Вдруг кто-то так сильно ударил Митю по лбу, что у него даже искры из глаз посыпались.

- Ой! - вскрикнул Митя.

- Ой! Ой! - словно эхо вторили ему голоса Авоси и Мефодия.

Первым в себя пришел от удара Мефодий, ведь всякому ясно, что плюшевый лоб, даже если он самый что ни на есть настоящий, переносит удары куда легче неплюшевого. Львенок вскочил и приготовился ринуться на защиту Мити, но, к своему удивлению, вместо противника увидел высоченный дощатый забор, а перед ним на земле сидели Авося и Митя и растирали ушибленные лбы.

- Это кто дерется? - на всякий случай воинственно спросил Мефодий.

- И откуда взялся забор? - озадаченно спросил Митя.

- Забор ниоткуда не взялся. Он всегда тут стоял, - сказал Авося.
  - Интересное дело, что же мы, по-твоему, его не заметили, что ли?
  - Конечно. Он ведь был далеко, - сказал Авося.
  - Так не бывает, чтобы забор был сразу и тут и далеко, - уверенно сказал Митя.
  - Это не забор был далеко, а мы были далеко. Просто ты не рассчитал.
  - Чего не рассчитал? - не понял Митя.
  - Это слишком много - укорачивать дорогу на девяносто девять километров. Кудыкина гора-то оказалась ближе. Вот мы и налетели на забор со всего размаха. Если бы не он, то нас, наверное, еще километра три пронесло! - сказал Авося.
  - Ну и ну, - развел руками Митя.
  - Я так и знал, что девяносто девять километров - это много. Мое чутье меня никогда не подводит! - сказал Авося.
  - Если у тебя такое хорошее чутье, то что же оно молчало и не подсказало тебе, что тут забор? - спросил Митя.
  - А оно и не молчало, - возразил Авося. - В тот самый момент, когда я укорачивал дорогу, оно мне отчетливо сказало: "Ох, и налетите!" Мы и налетели.
- И тут друзья услышали голос:
- Стой, кто сидит!
- Митя и Авося мигом вскочили, озираясь по сторонам.
- Чего это твое чутье раскомандовалось? - с достоинством спросил Мефодий.
  - Это не мое чутье, - сказал Авося. - Это какое-то чужое.
  - Ну вот еще, только чужого чутья нам не хватало, - сказал Мефодий.
  - А по-моему, это вовсе не чутье, - шепотом сказал Митя, глядя наверх.

Глава 13. Кто-кто за забором живет?

Авося и Мефодий задрали головы и увидели над забором рога .

- Ой, там кто-то рогатый, - сказал Авося с опаской.
- Носорог, - уверенно сказал Мефодий, ужасно готовый защитить Митю.

- А он бодается? - спросил Авося.

- Еще бы! Носороги, они, знаешь, какие свирепые, - сказал Мефодий. - А чего ты дрожишь? - спросил он у Авося.

- З-з-замерз, - ответил Авося.

- В такую жару? - удивился Мефодий.

- Вот от этой жары меня и б-б-бросило в холодный пот, - сказал Авося, запинаясь.

- Какой же это носорог? - сказал Митя, глядя на рога. - Это не носорог. У носорога один рог, а тут два.

Авося сразу же согрелся и перестал дрожать.

- Точно, - сказал он, - это не носорог. У носорога-то один рог, а тут два.

Мефодий тоже оценивающе поглядел на рога и сказал:

- Да, пожалуй, это не носорог. Это два носорога.

- Вот я вам сейчас покажу два носорога. Как бодну, так сразу узнаете, - грозно сказали из-за забора.

- З-з-зачем же показывать? М-м-мы и так в-в-верим, что там д-д-два носорога. Ч-ч-что мы носорогов н-н-не ви-дели, что ли? Н-н-не н-надо нам их показывать! - запротестовал Авося.

- Чего ты боишься? Таких носорогов вообще не бывает, - сказал Митя Авося.

И только Авося хотел перестать бояться, как Мефодий сказал:

- Да, это какой-то странный носорог. Таких вообще не бывает.

- Это я-то странный носорог? - возмутился голос за забором. - Сами вы странные - странствуете тут, - а я ничуть не странная. Я лично как тут родилась, так тут и жую.

- Все понятно. Это не носорог, - пришел Мефодий к окончательному выводу.

Авося вздохнул с облегчением.

- Это она. Носорога. То есть носорожа, - сказал Мефодий.

- Какая-какая рожа? - пролепетал Авося, поняв, что радоваться рано.

- Надо говорить не носорожа, а носорожиха, - поправил Митя Мефодия.

- Вот видишь, и Митя подтверждает, что это носорожиха. Как тут она родилась, так тут и жуёт, - обратился Мефодий к Авося.

- Ч-ч-чего жуёт? - спросил Авося, заикаясь.

- Добычу, конечно, что же еще, - с видом знатока объяснил Мефодий.

- Я думаю, - сказал Авося и задумался, что он делал только в самом крайнем случае. - Я думаю, что мы очень спешим, - и Авося нервно подергал Митю за рукав, потому что он вдруг вспомнил, что они потеряли много времени и так и не нашли чудо.

- Куда это вы спешите? - спросил зазаборный голос. - Спешить не надо. Тише едите - больше

будете!

- Тише едете, - поправил Митя.

- Ничего подобного. Даже если ехать очень тихо, больше от этого все равно не станешь, - возразили из-за забора.

Мефодий многозначительно посмотрел на Авосью и сказал страшным шепотом:

- Понял? Она свою жертву съедать не спешит. Она ее сначала откармливает, чтобы больше было.

Авосья еще не решил, кем лучше быть: добычей или жертвой, но на всякий случай втянул живот.

- А вы, значит, за помидорами явились? Как не стыдно! - ни с того ни с сего сказал заборный голос.

- З-з-за какими помидорами? - спросил Авосья.

- И почему нам должно быть стыдно? - спросил Митя.

- Потому что помидоры - мои, а воровать нехорошо! - сказала хозяйка забора.

- Не нужны нам никакие помидоры. Мы пришли за чудом, - объяснил Митя.

- Знаю я такие чудеса: ходят тут всякие, а потом помидоры пропадают.

- Зачем нам воровать какие-то помидоры? - пожал плечами Митя.

- Как зачем? Даже маленькие дети знают, что на Кудыкину гору идут воровать помидоры, - объяснил голос из-за забора. - И еще мой забор снести пытались. Ай-ай-ай!

- Мы не пытались. Честное-пречестное слово! Просто мы не рассчитали. Дорога укоротилась слишком сильно, вот мы нечаянно и налетели на забор.

- Да, не рассчитать - это нехорошо! Как говорится, семь раз отмерь - один раз отъешь!

- Чего это она все про еду да про еду, как будто больше и поговорить не о чем, - буркнул себе под нос Авосья, которому эта беседа почему-то не нравилась.

Хотя Авосья говорил очень тихо, носорожиха его услышала и сказала:

- А про что же еще говорить, как не про еду? Всякое жвачное вам скажет, что про еду говорить интереснее всего!

- А вот и нет! В мире ужас сколько всего интересного, о чем можно говорить! - возразил Митя.

- Какое мне дело до вашего мира? Мне из-за забора все равно ничего не видно, - фыркнула хозяйка забора.

- А зачем нужен такой забор, из-за которого не видно ничего не свете?

- Как зачем? О тебе же забочусь. Если бы у меня был маленький заборишко, то тебе, поди, захотелось бы на него влезть, а потом бы ты упал и того и гляди расшибся бы. Вот что может случиться, если забор маленький! А на большой забор никто не полезет, а значит, и не расшибется.

- Но ведь за забором скучно жить, - сказал Митя.
- Еще как скучно! Но без забора-то нельзя.
- Почему? - спросил Митя.
- Мал еще, чтобы рассуждать, - сказал голос из-за забора. - Лучше бы сказал, что мне делать, а то ведь и правда со скуки помереть можно.
- Может, надо позвать кого-нибудь в гости? - предложил Митя.
- Ну да! А вдруг этот кто-нибудь забудет дома пообедать, прежде чем идти в гости? Ведь беседовать на голодный желудок не очень интересно, правда?
- Правда, - согласился Митя.
- Вот видишь. А зачем же тратить время на разговоры с неинтересным собеседником?
- Я тоже думаю, что нечего тратить время. Нам пора идти, - оживился Авося.
- Подождите, - взмолилась хозяйка забора. - А может быть, вы не очень голодны? Тогда я могла бы пригласить вас на обед.
- На какое блюдо? - насторожился Авося. - Я совсем не хочу на обед.
- Тем более. Если вы обедать не хотите, то зайдите, не уходите!
- Ну что ж, мы могли бы зайти на минуточку, - сказал Митя и подумал, что никогда в жизни не получал такого странного приглашения.
- Вот и хорошо! Тем более что за минуточку вы все равно много не съедите. Идите к калитке, я вам отопру.

Митя подошел к калитке. Мефодий оттеснил его и отважно встал впереди. Только Авося приглашение не заинтересовало.

- А мне и тут не плохо, - сказал магистр чароделия. - Я вообще больше всего на свете не люблю ходить в гости.

За забором послышался лязг засова, скрежет отодвигаемой щеколды, щелканье ключа в замке, и, наконец, калитка приоткрылась. В ней показался сначала чей-то глаз, потом рог и пол-уха, потом еще один глаз, а уж после этого в калитку просунулась голова... коровы.

Корова сначала внимательно оглядела друзей, а потом сказала:

- Проходи по одному.

Авося изумленно уставился на хозяйку дома.

- Так это же корова, - сказал он.

- А кто же еще? Читать, небось, умеешь? - Корова указала на висящий над калиткой фонарь с адресом.

Митя прочитал:

КУДЫКИНА ГОРА, ДОМ N1.

ЖАДИНА-ГОВЯДИНА

- А ты говорил - носорог. - Авося укориженно посмотрел на Мефодия.
- Но голоса-то похожи, - ничуть не смутившись, ответил тот.
- Ну что ж, в гости так в гости, - сказал Авося и резво проскочил в калитку первым.

Глава 14. Жадина-говядина

Во дворе стоял большой дом, на котором Митя прочитал странную надпись:

МОЙ!

- Зачем это? Не буду я ничего мыть, - сказал Мефодий, потеряв передние лапки о собственные бока. С тех пор как однажды Митина мама вымыла его со стиральным порошком и потом повесила сушиться, прикрепив за уши прищепками к бельевой веревке, Мефодий испытывал непреодолимое отвращение к мытью.

- Это значит - мой дом, - пояснила Жадина-Говядина.

- А чего его мыть? Он и так чистый, - сказал Авося.

И тут друзья увидели, что и на траве, и на деревьях, и на заборе - всюду, где только можно, красовались таблички с надписями

"МОЙ", "МАЯ", "МАЁ", "МАИ".

- Тут все мое, - самодовольно сказала Корова.

Митя хотел было спросить, зачем нужны таблички, если она все равно живет здесь одна, но тут увидел на террасе дома накрытый стол, а так как за время путешествия он уже успел проголодаться, то было не до вопросов.

Друзья подошли к столу. Жадина гостеприимно усадила гостей на один край стола и придвинула закуски поближе... к другому краю стола.

- Я отодвинула тарелки, чтобы они не загораживали от вас вида во двор, - сказала хозяйка.

- Вообще-то они нам его не очень загораживали. Особенно вон та вазочка с конфетами, - робко сказал Митя.

Жадина-Говядина оценивающе поглядела на конфетницу, придвинула ее к себе и с такой быстротой стала поглощать конфеты, что через минуту вазочку словно корова языком вылизала.

- Пожалуй, ты прав, - сказала она, облизываясь. - Эта вазочка от вас ничего не загорodит.

- А как же конфеты? - разочарованно спросил Митя.

- Конфеты есть перед обедом вредно, - назидательно сказала Жадина.

- Но ведь ты-то их ела, - резонно возразил Митя.

- Для твоей же пользы. А то вдруг ты стал бы их есть сам, а это вредно. Вот я и решила пострадать за всех. И вообще, кто же начинает обед с конфет? Обед надо начинать с закусок. Хотите грибочков?

- Хотим, - сказал Митя.

- Вот и хорошо. Как говорится, назвался груздем, полезай в пузо. Только я их сначала попробую, а то вдруг они нехорошие.

Жадина стала быстро уплетать грибы.

- Эй, а как насчет нашего пуза? - забеспокоился Авося.

- Подожди, я их еще не распробовала, - сказала Корова с полным ртом.

Грибы исчезли вслед за конфетами - только их и видели.

- Нам совсем не досталось, - вздохнул Авося.

- Как? Разве вы еще голодны? - спросила Жадина.

- Но ведь мы же еще не ели, - сказал Митя.

- Как же так? Я вас угощаю, а вы ничего не едите. Есть надо обязательно. Как говорится, без еды не выловишь и рыбку из воды. Хотите рыбки?

- Хотим, - сказал Авося.

- А вот рыбки у меня как раз и нету. И вообще, нельзя быть такими привередливыми и просить именно то, чего нет. Надо есть, что дают.

- Мы бы и рады, - буркнул Митя.

- Еще бы! Каждый рад наестся на дармовщинку! Ну, как вы находите мои закуски?

- Мы их никак не находим, - развел руками Митя.

- Не успеваем, - проворчал Авося.

- Ну а от супа вы не откажетесь? - спросила Жадина.

- Нет, - хором сказали Авося и Митя.

- Тогда встаньте, - скомандовала Жадина.

- Зачем? - спросил Авося.

- А затем, что, как говорят, нельзя рубать суп, на котором сидишь. - Жадина-Говядина вытащила из-под лавки, на которой сидели друзья, большую кастрюлю супа.

- Он у меня там остужается, - пояснила она, смахнула копытом крышку и начала лакать суп прямо из кастрюли.

Жадина чавкала, чмокала, сопела и пыхтела. Наконец она оторвалась от еды и сказала:

- Ну вот, можете есть. Там на донышке еще осталось.

Мите и Авосе есть объедки не хотелось, но Жадину это не очень огорчило.

- На сладкое у нас печенье, - сказала Жадина, придвигая к себе вазочку с печеньем.

Митя и Авося нерешительно переглянулись.

- Вы что, не едите сдобного печенья? - спросила Жадина-Говядина.

- Едим, - сказал Митя и потянулся к печенью.

- Правильно. Как говорится, печенье - свет, а без печенья - тьма, - сказала Жадина, доедая последнюю печенюшку так быстро, что Митя не успел даже опомниться.

- А где же печенье? - спросил Авося.

- Как где? Вы же его съели, - сказала хозяйка.

- Мы не ели, - помотал головой Митя.

- Ерунда. Ты сам сказал, что вы печенье едите, а теперь, когда его нет, вы говорите, что вы его не ели. Нельзя одновременно и есть и не есть.

"К сожалению, можно", - подумал Митя.

- Ну, вот мы и пообедали, - сказала Жадина-Говядина. - Больше вы ничего не хотите? - вежливо поинтересовалась она.

"Да, у Жадины не пообедаешь, - подумал Митя. - А что, если спросить у нее, куда идти дальше. Может, она знает, где найти чудо?"

- Мы хотим... - начал было Митя.

- Вы не хотите, - перебила его Жадина.

- Нет, мы хотим попросить...

Митя не успел договорить, потому что Жадина-Говядина заголосила:

- Ай-ай-ай-ай-ай, как нехорошо! Мы так славно сидели и беседовали, а ты все испортил! Так я и знала. Стоит с кем-нибудь разговориться, как он тут же начинает что-нибудь просить. А у меня у самой всего мало. Я от просьб расстраиваюсь.

- Нам ничего не надо. Мы хотели попросить только совета, - успокоил ее Митя.

- У меня все советы на счету. Лишних нет, - отрезала Жадина и выпроводила их за калитку. - Вон на соседнем огороде коза капусту стережет. Может, у нее совет есть. Жадина захлопнула калитку и заперлась на ключ.

- Вот вредина, - сказал Авося.

- Ей за вредность надо молоко давать, - мудро произнес Мефодий.

- Не ври, за вредность ничего не дают, - сказал Авося.

- Еще как дают, - поддержал Мефодия Митя. - Вот у нас во дворе тетя Валя с первого этажа, знаешь, какая вредная: никогда нам с ребятами не разрешает под ее окнами играть. А я сам слышал, как один раз она говорила, что ей на работе за вредность молоко дают.

- Ну и что теперь будем делать? - спросил Авося.

- Пойдем к соседке. Вдруг она нам поможет, - сказал Митя, и они отправились к соседке

Глава 15. У Козы-дерезы

Соседке Жадины-Говядины забор не мешал смотреть на мир. Ей было видно все. Мите, Авосе и Мефодию тоже было видно все: ветхий домишко, поросший сорняками огород, и покосившуюся калитку с надписью:

КУДЫКИНА ГОРА, ДОМ N2,

КОЗА-ДЕРЕЗА

Не было видно только забора. Точнее, вместо забора был полубглоданный плетень.

Митя хотел постучаться, но стоило ему прикоснуться к калитке, как та... ТРЕСК-БАМ!!!! - сорвавшись с петель, упала на землю.

- Эй, кто там хулиганит? - раздался скрипучий голос со стороны дома.

На крылечке показалась хозяйка.

- Я только хотел постучаться, а у вас калитка оборвалась, - виновато сказал Митя.

Козьи рога внушали такое уважение, что сразу было ясно - к Козе нужно обращаться только на "вы".

- Что за народ пошел! Как увидят калитку, и давай по ней колотить, пока не отвалится, - возмущалась Коза.

- Она очень плохо держалась, - оправдывался Митя.

- А плохо, так и нечего было ее трогать, - резонно заметила Коза, прошаркала к калитке и стала ее осматривать. - Эта калитка еще, может, сто лет простояла бы, если ее не трогать. Ну-ка лучше подсоби, чем разговаривать.

Митя помог Козе поднять калитку, и они попытались надеть ее на дверные петли, но те так заржавели, что калитка на них надеваться никак не хотела.

Наконец Коза сказала:

- Ладно, если она не надевается, давай ее тут просто приставим. Потом когда-нибудь почию.

- А вы не могли бы дать нам совет? - спросил Митя.

- Совет? Это сколько угодно! Это я всегда пожалуйста. Так какой совет вам нужен?

- Где нам найти чудо?

- Чудо?! А где ж его искать? Я так думаю, что скорей рак на горе свистнет, чем вы чудо найдете, - сказала Коза.

- А вы можете показать, где этот Рак живет? - спросил Митя.

- Нет.

- Просто удивительно, как это тут никто ничего не знает, - сказал Митя.

- Почему не знает? Я знаю, и с удовольствием показала бы вам, где раки зимуют, но сейчас не могу. Я очень занята, - с этими словами Коза прошаркала назад к дому, взгромоздилась в кресло-качалку и закрыла глаза.

- Разве так занимаются? - спросил Митя. - По-моему, так отдыхают.

- Я никогда не отдыхаю, - сказала Коза, приоткрыв один глаз и посмотрев на Митю. - Я всегда при деле.

- А что это за дело такое? - спросил Мефодий.

- Капусту стерегу, - сказала Коза.

Митя огляделся, но капусты не увидел.

- А где же капуста? - спросил Авося, словно прочитав Митины мысли.

- Если вы меня будете упрекать, то я стеречь капусту откажусь, - почему-то обиделась Коза.

- А чего здесь стеречь? Капусты-то все равно нету, - развел руками Митя.

Тут Коза не на шутку разозлилась. Она подбоченилась и, выставив рога, пошла на Митю:

- Ах ты, негодный мальчишка! Так ты меня в краже капусты подозреваешь?

- Ничего я не подозреваю, - запротестовал Митя, но Коза не слушала его:

- Да как ты посмел! Я, между прочим, не простая коза. Я - Коза-Дереза, полбока луплено, за три гроша куплена. Я семерых козлят вырастила, в большие козлы вывела. А если ты будешь меня обвинять, то я в разбой подамся. Брошу капусту стеречь, пойду на большую дорогу за малыми ребятами гоняться.

И тут маленький отважный Мефодий бросился прямо наперерез Козе. Коза подцепила его рогами и отшвырнула так, что львенок покатился кубарем, но не растерялся. Он снова вскочил и бросился в атаку.

- Не надо гоняться! - крикнул Митя и поспешил на помощь к Мефодию, но не успел. В этот самый момент Коза боднула львенка еще раз. Мефодий перекувырнулся в воздухе, и его тельце безжизненно шлепнулось на землю.

- Как не стыдно обижать маленьких! - закричал Митя на Козу. Он поднял львенка, тот не шелохнулся.

- Мефодий, Мефодичка, - со слезами прошептал Митя, прижимая друга к себе.

- И совсем мне не стыдно, пускай она сама не бодается, - сказал вдруг Мефодий, приоткрывая глаза. - Я ей еще задам! - Львенок попытался высвободиться из Митиных рук, но Митя держал его очень крепко.

- Не надо. Коза будет капусту стеречь. У нее это гораздо лучше получается, - усмирил Митя Мефодия.

От этих слов Коза опять пришла в мирное расположение духа.

- И то верно, - сказала она. - За ребятами гоняться уж больно хлопотно. Одно плохо. На этом огороде стеречь капусту стало голодно. Вот за рекой есть огороды, как раз очень нуждающиеся в моем присмотре, да беда - перевезти меня некому. Кабы ты меня туда доставил, я бы тебе путь к Раку указала.

- Хорошо, - сказал Митя. - Ой, а где же Авося? - спохватился вдруг он.

Авоси и правда нигде не было видно.

- Авося!.. Авося!.. - стали звать магистра чародея Митя и Мефодий, и тут из-за сломанной калитки осторожно высунулась его голова.

- Ты чего там делаешь? - спросил Митя.

- Да так, смотрел, вдруг калитку починить можно, - ответил Авося и шагнул к ним, не без опаски поглядывая на козы рога.

- Сейчас Коза нам покажет, где живет Рак, - сказал Митя Авосе.

- Нет, такого уговора не было, - затрясла головой Коза. - Сначала ты меня на другой берег реки переправишь, а они за моим домом приглядят, а уж после я скажу, как Рака найти.

- Что ж, я дом с удовольствием постерегу, - сказал Авося, которому не слишком хотелось идти вместе с Козой.

- А я Митю одного не отпущу. Кто его защитит? - сказал Мефодий.

- Ну как хотите, - сказала Коза, - или ты со мной до новых огородов один отправишься, или я вам вообще ничего не покажу. А кроме меня, где Рака искать, здесь никто не знает.

- А речка далеко? - спросил Митя.

- Совсем рядом, - кивнула в сторону Коза.

Митя посмотрел туда и увидел, что за деревьями действительно поблескивала речка.

- Ладно, ждите меня здесь. Я только Козу перевезу и сразу же назад, - пообещал Митя.

- Я не согласен, - заупрямился Мефодий.

- Ты должен остаться. Ты ведь настоящий друг. А то мы никогда не найдем чудо для мамы, - сказал ему Митя.

И Мефодий остался, ведь он был

настоящим другом!

Глава 16. Переправа

Как только домик Козы скрылся из виду, Митя и Коза-Дерева оказались на берегу реки. Возле берега была привязана лодочка, и еще два пассажира дожидались переправы. Это были...

- Капуста! - обрадовалась Коза при виде Капусты, которая тоже собралась на другой берег.

- Коза! - обрадовался Волк, который тоже хотел на тот берег.

- Вы все хотите на тот берег? - спросил Митя.

- Да!!! - сказали Волк и Коза, а Капуста согласно закивала.

- Вот так задача! - сказал Митя. - Лодка-то совсем маленькая. Там я помещусь только с кем-нибудь одним.

- Что ж, я не тороплюсь, - великодушно сказал Волк. - Давай сначала Капусту отвези, а я уж как-нибудь пережду.

Волк с удовольствием поглядел на Козу.

- Нет-нет, - запротивилась Коза. - Очередь есть очередь. Я ее нарушать не стану. Лучше ты перевези Волка, а мы тут с Капустушкой подождем. - Коза посмотрела на Капусту влюбленными глазами.

Митя посмотрел на Волка, на Козу и на Капусту и решительно сказал:

- Нет. Раз я обещал Козе, что перевезу ее, значит, сначала я ее и повезу. Обещания нарушать нельзя.

- А меня когда же? - спросил Волк.

- Потом.

- Нет, я так не согласен, - возразил Волк. - Говорю тебе, вези Капусту.

- Или я повезу Козу, или я вообще никого не повезу, а позову сюда моих друзей: настоящего льва и Авось, магистра чародея, - упрямо сказал Митя.

- Льва не надо. Так и быть - вези Козу. Я подожду, - присмирел Волк. - Только, чур, потом меня.

Митя и Коза забрались в лодку, и Митя погреб к другому берегу. В этом месте река как раз извивалась, и, когда Волк и Капуста скрылись за песчаным плесом, Коза сказала:

- На твоём месте я бы не стала после меня перевозить Волка. Капуста-то бессловесная, за нее и постоять некому, и поэтому будет несправедливо, если ее повезут в последнюю очередь.

- Но ведь следующий на очереди Волк, а ты сама говорила, что очередь нарушать нельзя, - подзадорил Козу Митя.

- Мало ли чего я говорила. Все слушать, так уши отвалятся. А Волк, если и не следующий на очереди, так все равно скажет, что он первый. Капуста-то за себя попросить не может. Вот я за нее и хлопочу, о ней, сердечной, и забочусь. Ты уж перевези сначала ее. Больно мне ее жалко.

- Ладно, посмотрим, - сказал Митя.

В это время лодка причалила к берегу.

- Ну, я вас тогда здесь подожду, - сказала Коза.

- Ты обещала сказать, где живет Рак, - напомнил Митя.

- Вот привезешь Капусту, тогда и скажу. - Коза уселась на бережку.

Всю дорогу назад Митя думал, как ему быть, кого везти следующим. И так и этак выходило плохо. Или Волк Козу съест, или Коза Капусту. И вдруг он придумал!

Стоило лодке причалить к берегу, как Волк тут же прыгнул в нее и радостно крикнул:

- Ну, греби, что есть силы! Поди, Коза там заждалась уже!

- А Коза передумала. Она уже назад просится, - сказал Митя.

- Быть того не может! - не поверил Волк. - Она же сама говорила, что очень ей на тот берег надо.

- Говорить-то говорила, а теперь хочет назад, - сказал Митя. - Сейчас сам увидишь.

Лодка обогнула плес, и ошарашенная Коза увидела в ней Волка. И хотелось бы ей убежать, да, видно, поздно.

Как только Волк высадился на берег, Коза взмолилась:

- Ох и взял бы ты меня назад. Домой хочу.

- Вот видишь, - сказал Митя Волку, - а ты не верил. Ну ладно, садись, довезу, - кивнул Митя Козе.

Козу не надо было просить дважды. Она быстрехонько прыгнула в лодку, и Митя погреб назад.

- Эх, - разочарованно махнул лапой Волк и потрусил в лес.

До самого берега Митя и Коза ехали молча, и только когда лодка причалила к берегу, Коза сошла, а Митя бережно положил в лодку кочан Капусты, Коза сказала:

- Волк-то, небось, ушел уже.

- Не знаю, - пожал плечами Митя.

- Ну так ты там погляди, если его поблизости нету, то ты меня за Капустой на тот берег все-таки переправь.

- Погляжу, - пообещал Митя.

Когда лодка подошла к другому берегу, Волка там и правда не было. Откуда же ему было знать, что Коза опять передумает.

Митя поднял Капусту и задумался.

- Что же мне с тобой делать? Ведь если я Козу перевезу, то она тебя съест, а если нет, то она не скажет, где живет Рак.

Он опустил кочан на землю, и тут Капуста словно ожила. Она кивнула Мите и быстро-быстро покатила прочь, - только ее и видели.

Митя помахал Капусте на прощанье и поехал за Козой.

Когда Митя перевез Козу второй раз, то она, к своей радости, не увидела Волка и, к своему огорчению, Капусты.

- Эх, не умеешь ты перевозить, - посетовала Коза. - Ну да ладно, я побежала, недосуг мне тут с тобой разговаривать.

- Эй, а как же Рак?

- А что Рак? Иди вверх по реке, авось и дойдешь, - ответила Коза.

- Я думал, мы пойдем вместе, - сказал Митя.

- Еще чего! Чтобы я, Коза-Дереза, полбока луплено, к Раку ходила... - фыркнула Коза. - И вообще, наш Рак такой ученый, что к нему и на кривой козе не подъедешь, так что разбирайся сам.

С этими словами она припустила прочь.

Глава 17. Рак-свистун

Мите уже порядком надоело кататься туда-сюда по реке.

"Вот если бы Авося и Мефодий оказались вдруг здесь, и не надо было бы за ними возвращаться", - подумал он и, к своему удивлению, увидел, что Авося и Мефодий рядом.

- Ой, а вы как здесь оказались? - спросил Митя.

- Очень просто, вдруг, - объяснил Авося. - Ну так что, мы идем к Раку?

- Конечно, идем. Он живет где-то на берегу реки.

Друзья отправились дальше. Вскоре они увидели крошечный домик, сделанный из ракушек, на котором висела такая большая адресная табличка, что она едва не закрывала его.

Митя вслух прочитал надпись:

КУДЫКИНА ГОРА, ДОМ N3.

УЧЕНый ВСЕМУ ПОНЕМНОГУ,

ПРОФЕССОР КИСЛЫХ ЩЕЙ,

ЗНАТОК ЧЕГО УГОДНО,

СПЕЦИАЛИСТ ПО КОЕ-ЧЕМУ,

ДОКТОР НАУК, РАК-ОТШЕЛЬНИК

- Ну и ну, сколько тут народищу живет, - покачал головой Авося.

- Если бы тут жил один Рак, это еще куда ни шло, но ведь тут и ученый, и знаток, и доктор для наук. Интересно, как они все тут уместаются? - недоумевал Мефодий.

- Сейчас узнаем, - сказал Митя, присел на корточки и постучался.

- Кого там принесло? Я занят! - послышалось из домика.

- Тогда, может быть, кто-нибудь другой из вас выйдет? - спросил Митя.

Из домика показался Рак и удивленно спросил:

- Какой это другой? И из кого это из нас? Да будет вам известно, что я вообще живу здесь один. Я - отшельник.

- От чего? - не понял Авося.

- От рождения, - ответил Рак.

- Теперь понятно, почему Рак уместается в таком маленьком домике. У него просто не все дома, - догадался Мефодий.

Все, кого до сих пор приходилось Мите встречать в Шутландии, были ужасно обидчивыми. Рак тоже неизвестно почему обиделся.

- У вас у самих не все дома, - сказал он.

- У нас дома только Митина мама осталась, - подтвердил Мефодий.

- А мы тут путешествуем, - сказал Митя.

- А эти, про кого в адресе написано: ученый, профессор и другие, тоже путешествуют, что ли? - допытывался Авося.

- Почему путешествуют? Они перед вами, - гордо ответил Рак.

Митя огляделся, но кроме Рака никого не увидел.

- Перед нами никого нет, - сказал он.

- Как это никого нет? А я? - возмутился Рак.

- Но ведь больше-то никого, - возразил Митя.

- А мне больше никто и не нужен, - сказал Рак. - Я сам себе профессор, и ученый, и знаток... Мы сами с усами. - Рак важно погладил клешней усы.

- А как насчет врача? - не унимался Авося.

- Какого врача? - переспросил Рак.

- Ну, Митя прочитал, что тут еще врач наук живет, - пояснил Авося.

- Не врач, а доктор, - поправил Митя.

- Какая разница, все равно ведь лечит, - сказал Авося.

- Кто же науки лечит? Они ведь не чихают, - сказал Митя.

- Зато хромают, - авторитетно заявил Рак. - А математика, если она хромает, ни за что не дойдет до конца школы. Вот и приходится ее лечить.

- А разве так можно? - не поверил Митя.

- Конечно! В два счета. Раз, два и готово! - сказал Рак.

- А я тоже умею считать до десяти, - вставил Мефодий.

- Подумаешь, а я считаю до десяти и... и еще раз до десяти, - сказал Рак.

Сомнений не было, тот, кто умел считать до десяти и еще раз до десяти, конечно же, был настоящим ученым!

- А свистеть вы тоже умеете? - спросил Митя.

- Еще бы! Я как свистом занялся, так сразу в гору пошел. С тех пор так тут и живу на горе. Пишу научный труд о правилах свиста.

- А вы не могли бы свистнуть для нас хотя бы один разочек? - попросил Митя.

- Один разочек не могу, - сказал Рак.

- А два?

- Два - тем более.

- Почему?

- Потому что я не в форме, - ответил Рак.

- А разве, для того чтобы свистеть, нужна форма? - спросил Митя.

- А как же! Каждый рак должен носить фрак. Поэтому он так и называется ф-рак, между прочим, в мою честь.

- Если каждый рак должен его носить, то почему же тогда вы его не носите? - спросил Митя.

- Как это не ношу? А это что, по-твоему? - Рак показал Мите сверток.

- Не знаю, - сказал Митя.

- Невежда! О чем ни спроси, ничего-то ты не знаешь! - презрительно фыркнул Рак. - Это и есть фрак, и, как видишь, я его всегда ношу.

Рак развернул сверток, и там оказалась фетровая шляпа с обвислыми полями.

- Какой же это фрак? Это шляпа, - засмеялся Митя.

- Сам ты шляпа! Это самый настоящий фрак. Просто ты завидуешь, что он называется не в твою, а в мою честь, - сказал Рак.

- Ну, если дело в шляпе, то можно начинать свистеть, - сказал Мефодий, чтобы закончить этот ненужный спор.

- Можно-то можно, но нельзя, - сказал Рак.

- Опять чего-нибудь не хватает? - спросил Митя.

- Мне хватает всего. Только вас жалко, - сказал Рак.
  - Почему? - спросил Митя.
  - Вот заладил - "почему, почему". Потому что я свищу так громко, что с непривычки не каждый выдержит.
  - Неужели как Соловей-Разбойник? - спросил Мефодий.
  - Что там Соловей-Разбойник! Еще громче! Я даже сам себя боюсь, так громко я свищу!
  - Неужели?
  - Да, именно поэтому я ни разу в жизни и не свистел. От страха, - сказал Рак.
  - А что если попробовать? Может быть, это не так страшно? - предложил Митя.
  - Вот пристал! Говорят тебе, что если я свистну, то тут такая свистопляска начнется!..
  - Какая?
  - Может быть, вообще конец света наступит, - сказал Рак, страшно выпучив глаза.
  - И только-то? Это не страшно, - сказал Митя.
  - Как, ты не боишься конца света? - от удивления Рак еще больше выпучил глаза.
  - А чего его бояться? Я же не маленький, - пожал плечами Митя. - И вообще, что я конца света, что ли, не видел?
  - Когда? - спросил Рак в ужасе.
  - Да каждый день.
  - Не может быть. Где?
  - Дома. Вечером мама приходит ко мне в комнату сказать "Спокойной ночи", а потом щелкает выключателем, и сразу наступает конец света.
  - Тогда нам вообще не о чем говорить. Я не могу свистеть с человеком, который видит конец света каждый день, - сказал Рак обиженно и попятился в домик.
  - Подождите, а как же чудо? - спросил Митя.
- Но Рак уже захлопнул за собой дверцу.
- Ну пожалуйста, нам так нужно, чтобы вы свистнули, - взмолился Митя и, присев на корточки, заглянул в окошко.
  - Чем беспокоить занятой народ, лучше бы обратились к Здравому Смыслу, - крикнул Рак из домика и задернул шторы, показав, что беседа окончена.

- Здравый Смысл? Где-то я о нем уже слышал... - задумался Мефодий.
- Так ведь это же мамин знакомый! - вспомнил Митя.
- Ну если ты его знаешь, то мы его быстро найдем, - сказал Авося.
- Но я его не знаю, - развел руками Митя.
- Ведь он же знакомый твоей мамы.
- Да, но я-то с ним не знаком. Я только знаю, что он очень умный, потому что он все время маме подсказывает, что надо делать.
- Дожили! Ты даже не знаешь знакомых твоей мамы. Этого нам только не хватает! - укоризненно сказал Авося.
- Мама тоже говорит, что мне Здравого Смысла не хватает. Правда, раньше я думал, что мне не хватает только велосипеда, но теперь-то я вижу, что мама была права. Эх, если бы мне хоть разочек на него вовремя посмотреть, - с сожалением сказал Митя.
- Ну и как мы теперь его будет искать? - спросил Авося.
- Надо подумать.
- Что у тебя за привычка такая: чуть что, сразу думать. Эдак можно все мысли за один день передумать, а на потом ничего не останется, - сказал Авося.
- Конечно, было бы лучше, если бы он нас искал, а не мы его. Нас-то трое, а троих найти легче, чем одного, - задумчиво сказал Мефодий.
- Правильно! Надо, чтобы он сам нас нашел! - поддержал Мефодия Митя.
- Ну да, а откуда же он узнает, что нас надо искать? - недоверчиво спросил Авося.
- Мы повесим объявление. Так всегда делают, - сказал Митя. - Только нам нужен карандаш и листочек бумаги.
- Это проще простого, - сказал Авося и протянул Мите тетрадный листок и карандаш.

Митя написал:

О Б Я В Л Е Н И Е

ИЩИМ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ.

ПРОСИМ АТЫСКАЦА

- "Ищем Здравый Смысл. Просим отыскаться". Готово! - сказал Митя.
- Теперь надо его повесить на видное место, - предложил Мефодий.
- Лучше всего на вершине горы. Ее отовсюду видно, - сказал Митя.
- Тут совсем рядом. - Авося направился вверх по тропинке. Друзья последовали за ним и вскоре уже были на самой вершине Кудыкиной горы.

- Можешь вешать, - сказал Авося.

Митя огляделся. Вершина Кудыкиной горы была покрыта густым ковром зеленой травы. Кое-где пестрели цветы и росли небольшие кустики, но, увы, объявление повесить было некуда.

- Ничего не получится. Надо искать другое место, - сказал Митя.

- Почему? - спросил Авося.

- Здесь нет ни одного подходящего дерева, - объяснил Митя.

- Ну, это легко исправить. Вон оно, как раз подходит, - указал Авося.

В Шутландии Митя был готов к любым чудесам, но сейчас он увидел такое, что даже рот открыл от удивления. На корнях, как на цыпочках, подходило

Очень Подходящее Дерево . При каждом шаге корни слегка пружинили, и оно словно пританцовывало на дороге.

Дерево подошло и как ни в чем не бывалоросло в землю прямо перед Митей.

- Здравствуйте, - поздоровался с деревом Митя. Ведь если дерево может разгуливать по дорогам, то, может быть, оно еще и разговаривает, а тогда не поздороваться с ним будет очень невежливо.

Дерево в ответ приветливо зашелестело.

- Можно, мы повесим на вас наше объявление? - спросил Митя.

Дерево склонило ветви в знак согласия, и Митя увидел сучок, как раз такой, как надо, и, сказав "Спасибо", наткнул на него объявление.

- Теперь будем ждать, - сказал Митя и сел на траву недалеко от дерева.

- Просто ждать? - разочарованно сказал Авося.

- Нет, ждать совсем не просто. Это очень даже сложно, особенно когда не знаешь, сколько надо ждать, - сказал Митя.

- А может, лучше пойдем искать приключения на свою голову? Чего тут торчать, как пугала, - предложил Авося.

- А вдруг, когда мы уйдем, Здравый Смысл найдется? Уж лучше я его здесь подожду, - сказал Митя.

- А ты как думаешь? - спросил Авося у Мефодия.

Это был ужасно трудный вопрос, потому что Мефодий хотел искать приключения и совсем не хотел торчать, как пугала, но он не мог оставить Митю.

- Я думаю, что можно поискать приключения, только не очень далеко, - сказал он осторожно. - Пойдем? - обратился львенок к Мите.

- Нет, вы идите, а я посижу здесь, - заупрямился Митя.

Мефодий нерешительно потоптался на месте.

- Заодно разведаете, что творится вокруг. Нам это может пригодиться, - подбодрил Мефодия Митя.

И Мефодий с Авосей ушли на разведку, а Мите стало совсем скучно ждать. Он даже пожалел, что не пошел вместе с ними.

Тут Митя услышал шум и подумал, что, наверное, Авося и Мефодий возвращаются, но ошибся. К дереву подходила очень странная компания: развеселый старичок и несколько преселеньких, но совершенно голеньких карапузов.

"Один, два, три, четыре, пять..." - попытался было их пересчитать Митя, но сбился со счета, потому что карапузы оказались на редкость шустрые. Они так и бегали, так и прыгали вокруг старичка, который пританцовывал, размахивая тросточкой, и был так поглощен этим веселым занятием, что совсем не глядел по сторонам. А если человек идет совсем не глядя по сторонам, то рано или поздно обнаружит, что есть хотя бы одна сторона, в которую стоило бы посмотреть.

Б У М М М !!!

Старичок так ощутимо обнаружил ту сторону, где росло дерево, что, наверное, свалился бы, если бы его не поддержали маленькие спутники.

- Ой! Это что такое? - спросил старичок, строго поглядев на дерево.

- Это дерево, - сказал один карапуз.

- Высокое, - сказал другой.

- И на сучке висит какая-то бумага, - сказал третий.

- Да... Да... Да... - поддержали остальные.

- Тут не может быть никакого дерева, - изумленно сказал старичок.

- Но оно есть. Факт... Факт...Факт... - наперебой заверещали малыши.

- Тише вы, шалуны. Я и сам вижу, что это дерево. - Старичок пристально поглядел на дерево через очки. - Я же не слепой. Но еще вчера его тут не было. Не пришло же оно сюда, в конце концов.

- А вот и пришло, - сказал Митя, подойдя к развеселой компании.

- Вздор! Деревья не могут расхаживать куда угодно. В этом нет здравого смысла, - сказал старичок.

- Конечно, нет, - согласился Митя, - но, наверное, для ходячих деревьев он и не нужен. Это мне он нужен.

Старичок оглянулся и только теперь увидел Митю.

- Позвольте, позвольте, а это еще что за чудеса? - спросил он.

- Где? - Митя оглянулся.

- Вот это. - Старичок ткнул Митю пальцем в грудь.

- Я не чудеса. Я Митя. Чудеса будут, если я сумею Здравый Смысл найти. Вот я тут объявление повесил.

- Ну-ка, ну-ка, что за объявление? - Старичок подозвал одного из малышей.

- "Ищем Здравый Смысл. Просим отыскаться", - бойко прочитал тот.

Старичок смерил Митю взглядом и одобрительно закивал:

- Похвально, весьма похвально искать здравый смысл в вашем возрасте.

- Похвально! Факт! Факт! Факт! - загалдели малыши.

- Тише вы, озорники! - цыкнул на них старичок, и они примолкли. - Так какое у вас дело к Здравому Смыслу, молодой человек?

- Очень важное. Мне надо найти чудо.

- Что, что? - переспросил старичок, приставив ладонь к уху.

- Чудо... чудо... чудо... - наперебой закричали малыши.

- Тихо вы, я и сам слышу, что чудо. Я ведь не глухой, - сказал старичок. - Но чудес на свете...

- Нет!!! - хором закончили крошки.

- Еще как есть! Целых семь. Некоторые даже по телевизору показывали, - возразил Митя.

Старичок вопросительно посмотрел на карапузов.

- Точно так. Есть семь чудес света: древнеегипетские пирамиды...

- Мавзолей в Галикарнасе...

- Храм Артемиды...

- Висячие сады Семирамиды... - начали наперебой перечислять малыши.

"Такие маленькие, и откуда они столько знают", - с уважением подумал Митя.

- Хватит, хватит, - перебил их старичок. - Так зачем тебе висячие сады? - обратился он к Мите.

- Мне не нужны сады. Мне вообще нужно не такое огромное чудо, а маленькое, чтобы его можно было в руках унести, - сказал Митя.

- Должен тебя огорчить. Таких чудес нет, - сказал старичок.

- Нет, есть, и Здравый Смысл поможет их найти, - сказал Митя.

- Он этого не сделает.

- Почему?

- Потому что Здравый Смысл - это я. А я утверждаю, что чудес на свете нет. Вот и они тебе то же самое скажут. - Старичок указал на малышей.

- Чудес нет... нет... нет... Факт... - заверещали малыши.

- Да кто они такие, чтобы говорить, что чудес нет? - Митя посмотрел на мелюзгу и подумал, что сам-то он вон на сколько больше их и то не задается.

- Это мои ближайшие помощники - факты. Я только на них и опираюсь. Без них бы я пропал, - сказал Здравый Смысл.

- Вот это факты? - удивился Митя. - А чего они такие раздетые?

- Факты всегда ходят голые - так уж привыкли. Упрямые - их не переубедишь, - покачал головой старичок.

- Меня тоже. Вот увидите, что чудо есть, только про него еще никто не знает, - сказал Митя.

- Слушай, хочешь моего совета? - спросил Здравый Смысл.

- Еще бы!

- Возвращайся домой. Если бы такое чудо было, его уже давно бы нашли.

- А может, просто никто не искал по-настоящему? - сказал Митя.

- Ну что с тобой делать? Ты такой же упрямый, как и факты. Поступай, как знаешь. Больше мне тебе нечего сказать, - вздохнул Здравый Смысл.

- И вы совсем-совсем не знаете, у кого можно было бы спросить про чудо? - спросил Митя.

- Ну уж, конечно, не у Здравого Смысла. Чудо можно искать только с Больным Воображением.

- Да... да... да... - подтвердили факты.

- А где его искать? - спросил Митя.

- Вот этого я не знаю. Сказать по правде, мы с ним не в ладах, так что ничем не могу вам помочь, молодой человек, - сказал Здравый Смысл.

- Очень жаль, - сказал Митя и грустно-прегрустно вздохнул.

- Это что еще за охи-вздохи? - Здравый Смысл строго посмотрел на Митю через очки. - Больше всего на свете не люблю, когда дети грустят и вздыхают. Главное в жизни - не унывать и не вешать носа, понятно?

- Понятно, - сказал Митя и очень постарался не унывать, хотя у него это не слишком получилось.

- Так и быть, чтобы тебя развеселить, я подарю тебе что-нибудь на память. Загадывай желание, - сказал Здравый Смысл.

Вообще-то у Мити было множество желаний, но от неожиданности все желания сразу куда-то улетучились, как будто их не было вовсе - даже странно.

- Ну что же ты молчишь? Давай поскорее, я спешу. Здравый Смысл должен быть везде, а то без меня ужас что начнется! - сказал старичок.

И тогда Митя сказал то, что первое пришло на ум:

- Пусть меня мама не укладывает спать так рано.

- Но ведь поздно ложиться спать нельзя, - возразил Здравый Смысл.

- Конечно, нельзя, - согласился Митя. - Поздно как раз начинаются самые интересные

передачи по телевизору.

- Ладно, сейчас я что-нибудь придумаю, - пообещал Здравый Смысл и подозвал своих спутников. Они шепотом о чем-то посоветовались, и старичок сказал:

- Я выполню твоё желание, только не совсем.

- Как это? - спросил Митя.

- Я скажу твоей маме, чтобы она укладывала тебя спать, когда ты сам того пожелаешь, но не всегда, а только раз в году: в новогоднюю ночь.

- И я смогу сидеть хоть до утра? - недоверчиво спросил Митя.

- Сколько угодно! Сам увидишь. Ну, а теперь мне пора. Меня уже давно ждут, - сказал Здравый Смысл и с неподобающей его возрасту прытью бросился прочь вместе со своими маленькими учеными спутниками.

- Вот это да! - только и смог промолвить Митя. Обернувшись, он увидел, что пока они разговаривали, подходящее дерево тоже куда-то ушло вместе с объявлением.

Было самое время отправиться на поиски Больного Воображения, но, как назло, Авося и Мефодий еще не вернулись.

- Авося... Мефодий... - позвал Митя в надежде, что друзья услышат его, но никто не откликнулся.

- Мефодий... Авося... - крикнул Митя еще раз громко-прегромко.

- Ау-у-у... Мы здесь... - послышалось издали.

- Подождите, я иду к вам, - крикнул Митя и побежал на голоса, а вскоре увидел, что навстречу ему по тропинке вприпрыжку бегут Авося и Мефодий.

- Куда вы запропастились? Пока вы тут ходили, я со Здравым Смыслом разговаривал, - запыхавшись, объявил Митя.

- И он сказал тебе, где искать чудо? - спросил Авося.

- Нет, к сожалению, он ничего не понимает в чудесах, - вздохнул Митя.

- Вот так Здравый Смысл! А ты еще говорил, что он очень умный и советует твоей маме, что надо делать. Чего же он тебе ничего не посоветовал? - сказал Авося.

- Почему не посоветовал? Посоветовал. Нам надо найти Больное Воображение. Здравый Смысл сказал, что только с ним можно искать чудо. А где это Больное Воображение, он не знает, - Митя развел руками.

- А я, кажется, знаю, - громко сказал Мефодий.

- Откуда?!

- А оттуда, что за теми кустами кто-то чихал. Может, это

Оно и есть?

- Ты, Мефодий, молодец! Сейчас проверим, - сказал Митя и направился к кустам.

Глава 19. Больное Воображение

- А-а-а-пчи! - чихнул кто-то в кустах.

Митя раздвинул ветки и увидел цветочную поляну. Только в ботаническом саду он видел, чтобы в одном месте росло столько разных цветов. Казалось, все они позабыли о том, что каждому - свое место и время, и собрались здесь на необычный цветочный праздник, стараясь перещеголять друг дружку в красоте и изяществе. Из травы скромно выглядывали подснежники, вестники весны, а рядом с ними пестрели многоцветным ковром астры, краса осени. Прямо под ногами были разбрызганы лиловые капельки фиалок, а с ними по соседству, словно голубое озерцо, разрослись незабудки. Чайные розы играли в переглядку со своими родственниками, цветами шиповника. Гиацинты расположились вокруг кустов пионов. А посередине этой красоты сидело и беспрерывно чихало Больное Воображение. Митя сразу понял, что это оно, хотя от плохого самочувствия на нем лица не было.

- Будьте здоровы, - вежливо сказал Митя.

- Кто сказал "будьте здоровы"? - взвизгнуло Больное Воображение. - Прошу вас прийти сюда прочь!

- Как это? - не понял Митя.

- Точно так же, как и уйти отсюда поближе, - пояснил Авося.

- Уходим поближе - подальше придем, - философски заметил Мефодий.

- Сейчас проверим, - сказал Митя и шагнул за кусты. Оглянувшись, он увидел, что Авося и Мефодий, смотревшие ему вслед из-за кустов, были так далеко, что их почти не было видно. Стоило Авосе сделать один шаг, как он оказался рядом с Митей.

Мефодий тоже поспешил за друзьями, но зацепился за очень дерзкую ветку. Львенок дернул за нее, но она, наверное, не поняла, что имеет дело с настоящим львом и дала сдачи. Мефодий два раза перекувырнулся в воздухе и со всего размаху шлепнулся на землю прямо перед Митей.

- Ты ударился? - спросил его Митя.

- А пусть не цепляется, - гордо сказал львенок, отряхивая лапки.

Больное Воображение с интересом уставилось на пришедших.

- Здравствуйте, - поздоровался Митя.

- Опять? - почему-то возмутилось Больное Воображение. - Терпеть не могу разговоров про здоровье. Куда интереснее говорить про болезни.

- Почему? - спросил Митя.

- Потому что здоровье одно, а болезней много, и поэтому разговор получится разносторонний. А-а-апчи! - снова чихнуло оно.

Митя хотел было сказать "будьте здоровы", но вовремя одумался и сказал:

- У вас, наверное, очень сильная простуда.

- Да, не могу пожаловаться на хорошее самочувствие, - кивнуло Больное Воображение. - Думаешь, легко целый день в облаках витать? Холод и сырость. Бррр.

- А зачем вы витаете в облаках?

- Работа такая, - вздохнуло Больное Воображение. - Все бы ничего. Витаешь себе, вокруг кипарисы парят... Только каждый раз, когда я возвращаюсь с неба на землю, у меня начинается страшный приступ кори.

- Почему?

- Потому что я корю всех подряд.

- У моей мамы тоже начинается приступ кори, когда я возвращаюсь.

- С неба на землю?

- Да нет, с прогулки. Каждый раз я совершенно случайно прихожу домой грязный. Иногда у мамы лопаются терпение, и тогда у нее начинается этот самый приступ.

- Значит, вы пришли поговорить про корь? - спросило Больное Воображение.

- Нет, вообще-то мы по делу, - сказал Митя.

- Тсс, тише. - Больное Воображение приложило к губам палец. - Разве ты не видишь, что кругом

пионы ?

- Ну и что? - спросил Митя так же тихо.

- А то, что

пионы только и делают, что шпионят.

- А зачем? - спросил Митя с опаской поглядывая на бело-розовые цветы.

- Просто так, - сказала Больное Воображение.

- Тогда это не страшно, - сказал Митя.

- Нет, страшно. И вообще вокруг очень много страшного! - возразило Больное Воображение.

- Это оно на меня, что ли, намекает? - тихонько спросил Мефодий у Авоси.

- Наверняка, - кивнул Авося.

- Вообще-то я не всегда страшный. - Мефодий застенчиво поковырял плюшевой лапкой землю. - Хотя этого у меня, конечно, не отнять - настоящий лев и есть настоящий лев.

- Вот я и говорю, что все ужасно страшно. Хорошо еще, что у меня такой прочный замок.

- Я никогда не был в замке, - сказал Митя.

- Можешь радоваться. Теперь ты в нем побывал, - сказала Большое Воображение.
- Когда?
- Сейчас.
- Но я не был ни в каком замке, - возразил Митя (ведь нельзя же побывать в замке и даже не заметить этого).
- А где же ты, по-твоему, сейчас находишься? - спросило Большое Воображение.
- На поляне, в лесу, - сказал Митя.
- Невежда! Какая же это поляна, когда это самый настоящий замок.
- Что-то и я никакого замка не вижу, - сказал Мефодий.
- Наверное, это понарошечный замок, - догадался Авося.
- Ничего не понарошечный, - обиделось Большое Воображение. - Это самый настоящий воздушный замок.
- А-а-а, так он воздушный, - разочарованно протянул Митя.
- Конечно, воздушный, а какой же еще? Самое подходящее жилье для Большого Воображения. Главное, что он очень прочный.
- Ничего себе прочный, - презрительно фыркнул Мефодий.
- А вот попробуй его разрушить, тогда увидишь, - сказала Большое Воображение.
- Мефодий огляделся и понял, что разрушить этот замок действительно совсем не просто, потому что разрушать просто совсем нечего.
- То-то и оно, что не можешь. И никто не может, - торжествуя сказала Большое Воображение. - Я же говорило, что у него совершенно непробиваемые стены. Здесь я могу чувствовать себя в полной безопасности.
- От кого?
- Как от кого? Разве вы не видите, что в мире творится?
- Секвой воют,
ревень ревет во всю глотку,
агавы гавкают на кого ни попадя.
- Не гавкают, а лают, - поправил Митя.
- Глупости. Лают только
слайды , а
агавы гавкают. Слышите? - спросило Большое Воображение, прислушиваясь.
- Митя тоже прислушался, но ничего не услышал.
- Нет, - сказал он.

- Это потому, что окна закрыты, - пояснило Больное Воображение. - Не выношу сквозняков.

Больное Воображение опасливо огляделось и продолжило:

- Скажу вам по секрету, недавно ко мне приковылял один знакомый ковыль и рассказал жуткую историю. Только об этом, чур, никому. На

анютины глазки напала

куриная слепота, - сказало оно страшным шепотом.

- Да ну? - спросил Митя, поглядев на куриную слепоту, которая так невинно росла рядом с анютиными глазками, как будто и не думала на них нападать.

- Но он их все равно всех проглотил, - добавило Больное Воображение.

- Кто проглотил?

-

Львиный Зев .

- Неправда, никого я не глотал, - возмутился Мефодий.

- Конечно, не глотал, - успокоил его Митя. - Львиный зев у нас на даче растет. Точно такой же, как тут. - Митя показал Мефодию на причудливые бархатистые цветы и подумал, что, пожалуй, львиный зев не больше Мефодия способен кого-нибудь проглотить, но с Большим Воображением спорить не стал - ведь это его замок, ему виднее.

Мефодий придирчиво осмотрел почти тезку и сказал:

- Вот это и есть львиный зев?

- Да.

- Смехота это, а не львиный зев. Вот какой должен быть настоящий львиный зев, - Мефодий раскрыл плюшевый ротик.

- Ты что, тоже львиный зев, что ли? - спросило Больное Воображение, с сомнением поглядывая на Мефодия.

- Никакой я не зев, я настоящий лев! - с достоинством ответил Мефодий.

- Ты?! Настоящий лев?! Этого еще не хватало! Теперь у меня под носом настоящие львы расхаживают! Прямо чудеса! - воскликнуло Больное Воображение.

- Где? - спросил Митя.

- Вот тут, - ответило Больное Воображение.

- Значит, вы и правда можете нам найти настоящее чудо? - обрадовался Митя.

- Чудо-Юдо, что ли?

- Нет, просто чудо. Для мамы.

-

Просто бывает только

простуда , а чудес просто не бывает, - сказала Больное Воображение. - Впрочем, я могу кое-что для вас сделать. Давайте я вас чем-нибудь заражу.

- Зачем это? - подозрительно спросил Мефодий.

- Просто так. Пусть мама порадует. Ну, например, ветрянкой . Замечательная болезнь. В голове ветер, ничего не делаешь...

- Нет, я ничего не делать не согласен, - возразил Авося.

- Тогда

свинкой . Из вас могли бы получиться превосходные поросята!

- Что?! Чтобы я, настоящий лев, был поросенком?! - не на шутку возмутился Мефодий.

- Можно ангиной. Не знаю точно, что это такое, но звучит красиво, - услужливо предложило Больное Воображение.

Митя, к несчастью, знал, что это такое, поэтому поспешно отказался.

- Нет, лучше уж мы поищем чудо где-нибудь еще, - сказал он.

- Как хотите, - обиделось Больное Воображение. - Но так и знайте, что, как только выйдете из моего замка, сразу на

них наткнетесь.

- На кого?

- Ну на этих, на диких.

- Кабанов?

- Нет, на многочисленных.

- Волков?

- Нет, на лютых. - Больное Воображение сделало страшные глаза.

- Неужели на носорогов? - с дрожью в голосе спросил Авося.

- Я вас предупредило, - сказала Больное Воображение и исчезло то ли вместе с замком, то ли само по себе. Одним словом - его как не бывало.

Авося почему-то расхотелось идти дальше. Митя тоже с опаской озирался по сторонам, и только Мефодию все было нипочем.

- Ты что, совсем не боишься? - спросил у него Авося.

- Не видишь, что ли, что я настоящий? А настоящие львы ничего не боятся! Они не трусы! А ты боишься? - спросил он в свою очередь у Авося.

- Я? Н-н-нет, я уж-ж-жас какой храб-б-брый, - сказал Авося, заикаясь.

- А чего дрожишь?

- Так это я з-з-за тебя б-б-боюсь. И дрожу, потому ч-ч-что д-д-делаю это хорошо, на совесть, - сказал Авося.

- А разве можно бояться за кого-то? - спросил Мефодий.

- Еще как можно! - поддержал Авося Митя. - Я один раз на дерево очень высоко залез, и мне ни капельки не было страшно. Оказалось, это потому, что за меня мама боялась до тех самых пор, пока меня оттуда не сняли. А когда меня сняли и мама бояться перестала, я сам испугался.

- Высоты? - спросил Авося.

- Нет, что меня мама накажет.

Мите было стыдно признаться, но сейчас он очень хотел, чтобы за него побоялся кто-нибудь другой. И вдруг ему в голову пришла мысль, от которой он не только перестал бояться, но даже улыбнулся, а потом расхохотался.

- Все-таки заразился, - сказал Авося, опасливо поглядывая на Митю.

- Чем? - спросил Мефодий.

- Заразительным смехом.

- Да ну? - заволновался Мефодий.

А Митя все смеялся и смеялся и не мог остановиться, чтобы сказать, что вовсе он ничем не заразился, а смеется из-за того, что вдруг понял, что под ногами у них были многочисленные дикие и совершенно лютые

лютики !

Глава 20. Приятного аппетита

- Вот тебе и Шутландия! Говорил, что тут чудес полно, а мы ходим-ходим и до сих пор не можем ничего найти для мамы, - сказал Митя.

- Я же не виноват, что кругом никто ничего не знает, - сказал Авося.

- А если мы вообще чудо не найдем, что же, мне так и возвращаться с пустыми руками? - спросил Митя.

- Ничего не получится.

- Чего не получится?

- Поскольку ты сюда прибыл за чудом для мамы, то без чуда тебе отсюда не выбраться. Четыре копейки без чуда тебя назад не перенесут, - объяснил Авося.

Вот это была новость!

"Странно, как это человек устроен наоборот, - подумал Митя, - когда знаешь, что надо возвращаться домой, то возвращаться не хочется, а когда не можешь вернуться, то очень хочется домой".

Мите стало грустно: а вдруг он уже никогда-никогда, может быть, даже целую неделю не увидит маму? И он понял, как соскучился по ней. А когда Митя вспомнил, что сегодня мама печет его любимые пирожки с яблоками, то соскучился еще больше.

Между тем то, что Митя не может вернуться, Авосю, как видно, совсем не огорчало. А так как Авося совершенно справедливо считал, что сидеть без дела две минуты - это в два раза скучнее, чем сидеть без дела одну минуту, то нетерпеливо спросил:

- Ну, чем бы теперь заняться?

- Вот в чем вопрос, - рассудительно сказал Мефодий.

- Какой вопрос? - спросил Авося.

- Чем бы теперь заняться, - ответил Мефодий.

- Это я первый спросил, - возразил Авося, готовый вступить в спор.

- А мама сегодня пирожки печет, - сказал вдруг Митя.

- Подумаешь, пирожки, - презрительно фыркнул Мефодий. Как и всякий настоящий плюшевый львенок, Мефодий никогда в жизни не ел пирожков, а если быть откровенным до конца, то он вообще ничего не ел и есть ему совсем не хотелось.

- Тебе хорошо говорить "подумаешь", а у меня от голода даже в животе урчит, - сказал Митя.

- Это же замечательно! - воскликнул Авося.

- Ничего себе замечательно. Я, может быть, вообще могу с голоду умереть. Вам-то, наверное, совсем есть не хочется, - обиделся Митя.

И тут Мефодий вспомнил, что он настоящий, а у всякого настоящего льва должен быть настоящий зверский аппетит. Мефодий смущенно кашлянул и сказал:

- Я говорю: "Как подумаешь: пирожки - так сразу аппетит просыпается".

- А у меня он уже давно проснулся, - сказал Митя.

- Вот это-то и замечательно, потому что теперь я точно знаю, чем мы сейчас займемся. Я вам чего-нибудь приготовлю, - предложил Авося.

- А ты умеешь? - с сомнением спросил Митя.

- Это я-то? Да я просто ужас как люблю готовить! Я вам такого наготовлю - пальчики оближете!

- А я тоже умею готовить, - сказал Митя небрежно, будто для него уметь готовить было самым обычным делом. - Я даже яйца могу сварить в мешочке.

Митя не стал говорить, что это единственное, что он может приготовить. К чему такие подробности?

Авося недоверчиво покачал головой.

- Ну ты и врешь! - сказал он.

- Ничего не вру. Только газ мама зажигает, - сознался Митя.

Но Авосю не так-то легко было сбить с толку.

- А как же ты мешочек на огонь ставишь? - спросил он с видом человека, который знает, как варить яйца.

- Я мешочек на огонь и не ставлю. Варится-то в кастрюльке.

- А говорил в мешочке, - язвительно сказал Авося.

- Яйцо в мешочке - это вовсе не значит, что его варят в мешочке. Это значит, что яйцо всмятку, - объяснил Митя.

- Соображать надо. Варят в смятке, а потом перекалывают в мешочек, - со знанием дела пояснил Мефодий.

- Значит, на огонь ставят смятку? - с интересом спросил Авося.

- Да нет же. Варят в мешочке, а потом кастрюльку кладут в смятку. То есть нет. Варят всмятку, а потом в мешочек кладут кастрюльку. Фу ты, совсем запутался, - махнул рукой Митя.

- Я всегда говорил, что ты большой путаник. Без меня ты бы пропал, - сказал Авося.

- А ты что умеешь готовить? - с вызовом спросил Митя.

- Все что угодно! - ответил Авося.

"Все что угодно" таило в себе заманчивые перспективы, и Митя осторожно спросил:

- А если мне угодно пирожное?

- Проще простого!

- А мороженое?

- Запросто!

- Эскимо?

- Хоть сто порций!

Митя так ясно представил себе сто порций замечательного, восхитительного, покрытого шоколадной корочкой эскимо, что у него во рту пробежал сладкий холодок. Но тут, совсем некстати, он представил маму, которая говорит, что воспитанный человек должен есть в меру и не набрасываться на еду, будто он ест первый и последний раз в жизни. И Митя повел себя как настоящий воспитанный человек. Жаль, что мама не видела его!

- Сто порций - это слишком много, - сказал Митя. И при этих словах он снова представил себе сто порций мороженого, которые таяли одна за другой. И пока они все не исчезли из его воображения, Митя поспешно добавил:

- Давай девяносто девять!

- И еще что-нибудь подобающее, - неопределенно повертел лапой Мефодий, который так

недолго был настоящим, что толком не знал, чего бы ему попросить.

- А оно соленое или сладкое? - спросил Авося.

- Что?

- Ну это, подобающее.

- Как бы тебе сказать, - уклончиво сказал Мефодий. - Если ты говоришь об очень соленом, тогда оно, может быть, и сладкое, но оно, конечно, не такое сладкое, чтобы быть несоленным, понятно?

- Нет, - честно признался Авося.

- Неужели ты не знаешь, что подобает есть настоящему льву? - удивленно сказал Мефодий. - Митя, объясни ему, пожалуйста.

- Мясо, - сказал Митя просто.

- Жареное или вареное? - спросил Авося.

- Неужели ты сам не знаешь какое? Митя, объясни ему, - сказал Мефодий.

- Сырое, - сказал Митя.

- Вот именно, сырое, - поддакнул Мефодий.

- Ладно, будет тебе мясо. А что еще? - спросил Авося.

Митя немножко подумал и сказал:

- Бутерброд с икрой.

- Какой?

- С черной и с красной.

- С изумрудной и бирюзовой, - добавил Мефодий. Он не совсем точно знал, что это за цвета, но названия ему нравились.

- А разве такая икра бывает? - спросил Митя.

- В Шутландии бывает все! - заверил его Авося.

- А эта изумрудно-бирюзовая икра вкусная? - спросил Митя.

- Зато она очень красивая, - сказал Авося.

- Ладно, тогда еще изумрудную и бирюзовую, - согласился Митя. В конце концов он ничего не теряет, если ее попробует.

Митя раз мечтался так сильно, что у него даже слюнки потекли:

- А еще клубнику со взбитыми сливками.

- Свинину с чесночной подливкой, - добавил Мефодий.

- Шоколад и мармелад, - продолжал Митя.

- Ветчину и сервелат, - вторил Мефодий.

- Мефодий, у нас получаются настоящие стихи! - воскликнул Митя.

- Это от голода, - сказал Мефодий. - Настоящие стихи всегда получаются на голодный желудок.

- Почему?

- Потому что на сытый они не получаются, - ответил Мефодий.

Митя не успел спросить "почему", потому что в это время на траве появился поднос, на котором возвышалось какое-то невероятное сооружение. Внизу оно оцетинилось палочками девяносто девяти порций эскимо. Прямо на эскимо уродливо лежали куски сырого мяса, залитые шоколадной глазурью. Над ними было жаркое, украшенное розочками из сливочного крема, потом мармеладки под чесночной подливкой, а посередине красовалась пирамидка из взбитых сливок с клубникой, щедро намазанная икрой всех цветов радуги.

Митя уставился на приготовленное блюдо.

- Нравится? - спросил Авося.

- Что ты сделал? - вместо ответа воскликнул Митя.

- То, что вы просили. Разве я что-нибудь забыл? - невинно спросил Авося.

- Нет, но ведь это же нельзя есть.

- Почему нельзя? Можно. Я разрешаю, - великодушно разрешил Авося.

- Как же это есть, если тут все перемешано: и сладкое, и соленое?

- Ну и что? В животе все равно все перемешается. Значит, нет никакой разницы, есть сладкое и соленое вместе или отдельно.

"Может быть, Авося прав", - подумал Митя. Он с тоской посмотрел на мороженое, лежащее под кусками сырого мяса, и решил попробовать что-нибудь не такое перемешанное. Митя надкусил мармеладку под чесночной подливкой и сразу понял, что не зря сладкое едят отдельно от соленого.

- Фу, какая противная, - выплюнул он мармеладку.

- Просто ты не развил у себя вкуса к мармеладу с чесноком, - спокойно сказал Авося.

- А зачем мне его развивать?

- Мало ли что в жизни может пригодиться, - сказал Авося.

- Да, с таким поваром не только пальчики оближешь, а лапу сосать начнешь, - проворчал Мефодий, который в глубине души был доволен, что ему не надо все это есть.

- На вас не угодишь, - обиделся Авося. - Тогда готовьте сами.

Кажется, никогда еще в животе у Мити не было так пусто и уныло, как сейчас, и он примирительно сказал:

- Не сердись. А ты можешь приготовить что-нибудь попроще?

- Что, например?

- Ну, например, пирожки. Я бы сейчас с удовольствием съел пирожок, - сказал Митя.

- Да, - подтвердил Мефодий.

- Пожалуйста, если хотите, - пожал плечами Авося. - Просто пирожки?

- С лимонадом, - добавил Митя.

- Что-то я не пойму, с чем вы хотите есть пирожки: с удовольствием или с лимонадом? - спросил Авося.

- С лимонадом, - повторил Митя.

- Понятно, - сказал Авося, и поднос с морожено-торто-мясо-бродом исчез, а вместо него появилась тарелка с замечательными, румяными пирожками.

- Ура! Пирожки! - крикнул Митя и схватил один пирожок.

Но не тут-то было! Корочка хрустнула, и у Мити на ладошке осталось только жидкое, липкое тесто. Митя взял другой пирожок и третий, но все они вели себя точно так же.

- Они ведь не пропеченные, - Митя вопросительно посмотрел на Авося.

- Конечно, - невозмутимо ответил тот. - Если их пропекать, то лимонад вскипит и вытечет наружу.

- Кто же начиняет пирожки лимонадом. Их невозможно есть!

- Почему невозможно? Очень даже возможно - только безо всякого удовольствия, как вы и хотели.

- Вот и ешь их безо всякого удовольствия, - сказал Митя.

- Ну и пожалуйста. Для них же стараюсь и никакой благодарности, - обиделся Авося.

Некоторое время они сидели молча, надувшись друг на друга. Наконец Митя сказал:

- У нормальных чароделов хоть скатерть-самобранка есть. Вот уж кто умеет готовить все что угодно.

- Кто?! Скатерть-самобранка?! Ну насмешил. Как бы не так. Ничего она не умеет! - сказал Авося.

- Это ты нарочно так говоришь, потому что сам ничего не умеешь, - сказал Митя.

- А спорим, что я готовлю гораздо лучше? - сказал Авося.

- Спорим! - сказал Митя.

- Ну что ж, ты сам этого хотел, - загадочно сказал Авося.

Глава 21. Скатерть-самобранка

Блюдо с пирожками исчезло. На его месте лежала аккуратно сложенная белоснежная скатерть, расшитая красными петухами. Именно такой Митя всегда и представлял себе скатерть-самобранку.

- Ой, это настоящая самобранка? - спросил Митя, все еще не веря собственным глазам.

- Настоящее не бывает! Я же тебе говорил, что в Великоигрании все самое настоящее, - сказал Авося.

Мефодий, который изо всех сил чувствовал себя настоящим, согласно кивнул.

- Вот ее-то я маме и принесу. Представляю, как она обрадуется!

- А чего ей радоваться? - спросил Авося.

- Как чего? Мама каждый день жалуется, что кухонная плита отнимает у нее уйму времени.

- А по-моему, твоя мама сама виновата, - рассудительно сказал Мефодий. - Я видел, она первая к плите пристаёт. Если бы она сама к ней не лезла, то плита бы у нее ничего не отнимала.

- Зато теперь мама к плите вообще может не подходить. Скатерть-самобранка все будет готовить. Тут любая мама в чудеса поверит!

- Сомневаюсь.

- Точно поверит, - сказал Митя.

Авося оценивающе посмотрел на скатерть и сказал:

- Может, твоя мама и поверила бы в чудеса, если бы скатерть на самом деле чего-нибудь готовила.

- Значит, это не настоящая самобранка? - разочарованно развел руками Митя.

- Конечно, настоящая, а не какая-нибудь сказочная, поэтому-то она и не будет готовить. Разверни - сам увидишь.

Митя поднял скатерть, но только он начал разворачивать ее, как чей-то незнакомый голос произнес:

- Нахал!

От неожиданности Митя выпустил скатерть из рук, и тут произошла совсем странная вещь. Один уголок скатерти завязался узлом, наподобие головки с хохолком, двумя другими она подбоченилась и кивнула в сторону Мити.

- Это я тебе говорю, скверный мальчишка!

- Ты чего обзываешься, - возмутился Митя.

- Я не обзываюсь, а называю вещи своими именами. Все мальчишки одинаково скверные, да еще и бестолковые. И я не позволю, чтобы каждый оболтус разворачивал меня.

Мефодий был удивлен не меньше Мити. Он привык верить Мите на слово, и если Митя говорил, что скатерть должна готовить, то именно это она и должна была делать. Но львенок убедился, что и очень ученый человек, который даже умеет писать по-письменному, иногда может ошибаться.

- Ведь скатерть-самобранку надо развернуть, чтобы на ней появились разные заморские яства. И нечего ругаться, - рассудительно сказал Митя.

- Ха-ха, оказывается, ты не только оболтус, но еще и невежда. Чему вас только в школе учат?

- У Мити в школе только четверки и пятерки, - заступился за друга Мефодий.

- Значит, это отвратительная школа, в которой происходят одни недоразумения. Даже последний тупица знает, что на то я и самобранка, что сама бранюсь, никто меня об этом не просит. И вообще, кто ты такой, чтобы встревать в разговор?

Это было уж слишком. Мефодий понял, что пришло время показать, что он настоящий лев, а заодно защитить честь своего друга и покрыть себя славой.

Неизвестно, как настоящих львов покрывает слава, но скатерть покрывает их полностью - в этом Мефодий убедился на собственном опыте.

Самобранка, хотя и умела отменно браниться, но драться, к счастью, не умела, поэтому как только Мефодий напал на нее, она сникла. Хохолок ее развязался, и она опустилась на траву, как самая обыкновенная скатерть, при этом полностью упрятав под собой отважного львенка.

Мефодий понял, что он в ловушке, но это его не испугало, в конце концов, он был настоящим львом. С удвоенной силой Мефодий напал на врага, все больше запутываясь в складках.

- Мефодий, подожди, сейчас я тебя освобожу, - сказал Митя, но только он прикоснулся к львенку, как тот отчаянно завопил:

- Ишь ты, она еще и кулаками дерется! Сейчас я ей покажу!

И Мефодий завертелся под несчастной скатертью, колотя ее что есть силы.

- Ах так! Ты еще и ногами пинаться! - кричал Мефодий, запутываясь все больше.

- Мефодичка, по-моему, она уже не пинается, - сказал Митя, присев на корточки и пытаясь высвободить своего маленького друга. Но чем больше он старался это сделать, тем отчаяннее сопротивлялся Мефодий.

Наконец Митя понял, что самому ему не справиться, и позвал Авосю, который все это время стоял в сторонке и наблюдал за происходящим с видом человека, чье кулинарное искусство не оценили, хотя он готовит

гораздо лучше.

- Авося, убери эту противную скатерть, - взмолился Митя.

- Ты ведь хотел подарить ее маме, - сказал Авося.

- Я думаю, что мама не очень огорчится, если не получит такого подарка, - сказал Митя.

- Так и быть. - Авося взмахнул рукой, и скатерть исчезла.

Запыхавшийся Мефодий еще пару раз прыгнул, изображая страшную свирепость, но, увидев, что скатерти больше нет, сказал:

- Ее счастье, что она исчезла, а то я бы ей показал. - И, обессиленный, свалился Мите на руки.

- Ты сражался как настоящий лев, - сказал ему Митя.

От похвалы Мефодий пришел в себя.

- Для меня это пустяки, - скромно потупился он.

- Ну, кто вас гораздо лучше накормил? - спросил Авося.

- Ты, - вынужден был признать Митя.

- А что я говорил!

- Знаешь, хотя ты нас и накормил гораздо лучше, но почему-то все-таки очень хочется есть, - сказал Митя.

- Ну ты и обжора! Сколько можно есть? - пожал плечами Авося.

- Когда я вернусь домой, то буду есть все подряд, - сказал Митя. - Маме вовсе не придется меня упрашивать. Даже молоко пить буду, честное слово.

- А хочешь, пойдём на Молочную реку Кисельные берега? - предложил Авося.

Митя немного подумал и отказался. Было бы очень обидно утонуть в киселе - берега-то жидкие.

- А мама мне читала, что в далеких странах есть молочные деревья, и еще колбасные, и хлебные. Только на них хлеб не растет, - с сожалением сказал Митя.

- Чепуха! Что же тогда растет на хлебных деревьях, если не хлеб? Пойдем, сам увидишь, - сказал Авося.

- А куда мы пойдём? - спросил Митя.

- В Какнадовую рощу.

- В какую, в какую? - не понял Митя.

- В Какнадовую. Там все-все растет как надо.

Глава 22. Какнадовая роща

- А далеко эта Какнадовая роща? - спросил Митя.

- Вот за теми деревьями. Сейчас услышишь, - сказал Авося.

Митя хотел было спросить, как же можно услышать рощу, и вдруг услышал:

- ДИНЬ-ДОН, ТИЛИ-БОМ, ДЗЫНЬ!

- Что это? - спросил Митя.

- Какнадовая роща, - сказал Авося загадочно.

Друзья прибавили шагу. Чем ближе была роща, тем больше нарастал перезвон. Вскоре Митя увидел, что звенят бутылочки.

Это были не простые бутылочки, а те самые, что растут на бутылочных деревьях. Правда, больше эти деревья походили на огромные-преогромные бутылищи, из которых торчали веточки, а уж на них висело множество бутылок и бутылочек разного размера: начиная от самых маленьких флакончиков для духов, которые, видимо, еще не созрели, и кончая бутылками из-под лимонада.

Стоило подуть ветерку, как бутылочки и пузырьки, покачиваясь на веточках, стукались друг о друга и издавали мелодичный перезвон, а так как они были разные - большие и маленькие, - то и голоса у них были разные, и получалась настоящая бутылочная музыка, как будто играл целый оркестр маленьких ксилофончиков.

Мите ужасно понравились эти веселые деревья. Друзья шли, приплясывая и припрыгивая под бутылочную музыку, пока не уперлись в толстенный железный столб.

- Это еще что за столб? - спросил Митя, и в это самое время что-то с грохотом полетело на них сверху. Не успев понять, в чем дело, друзья бросились врассыпную.

Мефодий, который, как и остальные, бросился врассыпную, вдруг увидел, что небо над ним потемнело, грохот усилился. Мефодий сделал отчаянный прыжок. Раздался звон битого стекла, и стало темно.

Когда все затихло, Митя и Авося огляделись. Среди осколков сбитых с дерева бутылок валялся огромный лист железа. Мефодия нигде не было.

- Мефодичка, ты где? - с тревогой окликнул льявенка Митя.

- Бу-бу-бу, - донеслось из-под железа.

Митя разгреб склянки, приподнял железный лист и увидел льявенка. Тот попытался привстать, но лапки у него разъехались, и если бы не Митя, он снова плюхнулся бы на стекло.

Митя осмотрел железный лист: не то чтобы очень толстый, но величиной с самой большой мамин поднос. Он был весь покрыт ржавчиной.

- Ничего себе листочек. Такой и убить может, - сказал Митя.

- А здорово я его поймал! - гордо сказал Мефодий.

- Интересно, откуда он свалился? - Митя озадаченно посмотрел вверх.

- Понятное дело, с железного дерева, - объяснил Авося.

Теперь Митя и сам видел, что рядом с ними был вовсе не столб, а высоченное дерево. Чем-то оно напоминало сосну, потому что, как и у сосны, крона у него была на самой верхушке, а внизу толстый, похожий на столб, железный ствол.

- Вот это да! И чего это листу вздумалось падать? - задумался Митя.

- Поржавел. С железными деревьями всегда так: как только листья ржавеют, так сразу начинают опадать, - сказал Авося.

- Пойдемте-ка лучше отсюда подальше, что-то мне тут не очень нравится, - предложил Митя.

Никто не возражал.

- Вот уж не знал, что бывают деревья с такими огромными листьями, да еще и с железными, - сказал Митя на ходу.

- Ну как же! А про листовое железо слышал? - спросил Авося.

- Слышал.

- Так это оно и есть! Листовое железо.

Отойдя на безопасное расстояние, друзья оказались среди странных высохших деревьев, покрытых густой кроной сморщенных, жухлых листьев.

- Не нравится мне твоя роща, - сказал Митя. - Я думал, что здесь растет что-нибудь вкусненькое, а тут труха какая-то.

- Можно и вкусненькое, - согласился Авося. - Как ты смотришь на колбасные деревья?

- Хорошо смотрю, - сказал Митя. - А где они растут?

- Ты смотришь плохо, потому что они перед тобой, - сказал Авося.

Митя повнимательнее присмотрелся к трухлявым деревьям и увидел, что он принял за сухие листья колбасные очистки, сплошь усеявшие ветки. На самой верхушке одного из деревьев сиротливо висел кружочек колбасы.

- Кто это ее туда повесил? - спросил Митя.

- Никто ее не вешал. Она сама там растет.

- А почему она одна?

- Откуда мне знать? Может, сейчас не сезон колбасам расти, - сказал Авося.

Митя был такой голодный, что колбаса пришлась бы как раз кстати.

- Как бы ее достать? - задумался он.

О том, чтобы залезть на дерево, не было и речи. Ствол оказался слишком гладким, а колбаса висела слишком высоко.

- Может, ее сбить? - предложил Мефодий.

- Сейчас попробую.

Митя подобрал камешек и пульнул в колбасу, но не тут-то было. Колбаса закачалась, но не упала. Второе попадание - хоть бы что! Колбаса издевательски висела на ветке и никак не хотела падать.

- Чего это она не сбивается? - озадаченно спросил Митя.

- Наверное, еще не дозрела, - предположил Авося.

- Ты что, издеваешься?! Ничего себе в рожицу привел! Железные листья падают ни с того ни с сего, а колбаса висит, как прикованная, потому что, видите ли, не дозрела, - возмутился Митя.

И тут все его возмущение разом прошло, потому что он почуял запах, какой бывает, когда мама печет что-нибудь вкусное.

- Ой, как вкусно пахнет, - принялся Митя.

- Это же хлебные деревья, - сказал Авося.

- Как раз то, что нам нужно. - Митя пошел на запах и увидел перед собой деревья, которые были просто облеплены булочками, хлебцами и батончиками.

На ветвях одного дерева сидели забавные пичуги.

- Птички! - воскликнул Митя, но, подойдя поближе, увидел, что это не птички, а булочки, сделанные в виде жаворонков с изюминками вместо глазок. Это были самые аппетитные булочки, которые Митя когда-либо видел. Одна булочка висела совсем низко. Митя протянул руку и сорвал ее.

- Она теплая! - удивился Митя.

- Ничего удивительного. Она ведь совсем свежая, только что с дерева, - пожал плечами Авося.

- А что если я понесу ее маме? Она таких никогда в жизни не ела! - сказал Митя.

И тут случилась удивительная вещь: четыре копейки ни с того ни с сего выпали из Митино кармана и покатались по земле. Митя поднял монетку и снова сунул в карман, но денежка не унималась. Казалось, ей надоело сидеть в кармане, и она выпрыгнула снова.

- Что это с ней? Ожила, что ли? - недоуменно спросил Митя.

- Нет, просто наше время кончается. Оно тянулось, сколько можно, а теперь совсем сжалось, - объяснил Авося.

- Ничего. Теперь у меня есть подарок для мамы. Можно и возвращаться, - сказал Митя.

- До свиданья. Наверно, я буду по тебе скучать, - сказал Авося немножко грустно.

- Как? А ты не пойдешь со мной? - спросил Митя.

- Нет, ведь я живу здесь, - сказал Авося.

- Жалко, что все приключения так быстро кончаются, - вздохнул Мефодий.

- А ты не возвращайся. Зачем тебе это нужно? Если ты вернешься, то там уже не будешь настоящим, - обратился Авося к Мефодию.

Никогда еще Мефодию не приходилось принимать такого трудного решения. Он вспомнил обо всех приключениях, которые с ними произошли, и обо всех новых встречах. Он подумал, как скучно ему будет опять сидеть среди игрушек в то время, когда Митя занят своими уроками. А потом посмотрел на грустного и одиноко стоящего Митю и сделал выбор:

- Нет, мне оставаться нельзя. Без меня Митя пропадет.

Митя прижал к себе львенка:

- Мефодий, ты - настоящий друг!
  - Это я только здесь настоящий, - вздохнул Мефодий.
  - Нет, ты везде настоящий! - с жаром заверил его Митя.
  - Значит, я в самом деле стал настоящим? А может быть, надо, чтобы один раз в жизни хватило смелости стать настоящим и потом уже так и останешься на всю жизнь? - задумчиво произнес Мефодий.
  - Ну, надо прощаться. Жалко, конечно, что вы оба уходите, - взгрустнул Авося.
- Митя держал монету и никак не мог решиться ее бросить.
- Значит, мы больше никогда не увидимся? - спросил он.
  - Увидимся, если ты захочешь, - пожал плечами Авося.
  - Еще как захочу! - воскликнул Митя.
  - Значит, точно увидимся! - уверенно сказал Авося.
  - А когда?
  - Когда, когда. Когда время придет, вот когда! - Авося озорно подмигнул, и у Мити на душе сразу стало веселей.
  - Ну ладно, отправляйтесь, а то, чего доброго, булка остынет и зачерствеет, - напутствовал друзей Авося.
  - До свиданья, - сказал Митя.
  - До встречи! - отозвался Авося.
- Митя подбросил монетку, закрыл глаза, хорошенько раскружился и...

Глава 23. Из Шутландии домой

...Монетка звякнула. Митя открыл глаза и очутился в собственной прихожей. Одной рукой он крепко прижимал Мефодия, а другой держал свежую, еще теплую, только что сорванную с дерева булочку. Вот мама удивится, когда увидит, что он ей принес! Мама, конечно, спросит, кто его угостил. А он ответит, что его никто не угостил, а потом расскажет всю историю от начала до конца. И тогда мама обязательно ему поверит, ведь у него есть доказательство - настоящая шутландская булка.

Монетка лежала на полу. Митя не глядя сунул ее в карман и тихонько вошел к маме, которая все еще хлопотала на кухне.

- Мама, - сказал он.
- Ой, а ты как здесь оказался? - Мама вздрогнула от неожиданности.

- Обыкновенно, - пожал плечами Митя.

- Опять уходя не захлопнул дверь? Сколько можно говорить, что дверь нужно запирать, когда выходишь. Уйдет, а все нараспашку. Заходи, кто хочет, - ворчала мама.

- Нет, я тебе сейчас все объясню. Меня перенесли четыре копейки.

- Какие еще четыре копейки?

- Такая монетка - четыре копейки. Они могут перенести человека куда угодно, даже через запертые двери.

- Знаешь, если ты не захлопнул дверь, так и скажи, а то вместо того, чтобы признаться и извиниться, ты придумываешь сказки про монетки, которых вообще не бывает.

- Я тоже думал, что не бывает. А они бывают.

Митя полез в карман, достал монетку и протянул ее маме:

- Вот посмотри!

Мама взяла монетку, повертела ее в руках и спросила:

- Это и есть твои четыре копейки?

- Да, это четыре копейки в переносном смысле, - подтвердил Митя.

- Не знаю, в каком таком смысле это четыре копейки, но что ты у меня выдумщик во всех смыслах - это давно известно, - покачала головой мама, возвращая монету.

"Странная она какая-то, не видит, что ли?" - с досадой подумал Митя, но, взяв денежку, с удивлением увидел, что это никакие не четыре копейки. На ладони у Мити лежала затертая трехкопеечная монета.

И тут Митя все понял. Он ведь забыл про плату за проезд. Как же у него могли остаться четыре копейки, если он вернулся из Великоигрании домой?

- Нет, правда, это были четыре копейки, а потом они стали тремя, потому что израсходовались, - попытался объяснить Митя, но понял, что у него это не очень-то получается.

- Ладно, выдумщик. Обещай, что в следующий раз не забудешь захлопнуть за собой дверь, - сказала мама.

- Обещаю, - сказал Митя и, тяжело вздохнув, сунул три копейки в карман.

И тут мама увидела булочку.

- А это что такое? - спросила она таким тоном, как будто Митя уже успел в чем-то провиниться.

- Это настоящая шутландская булка из Шутландии. Кто ее съест, тот развеселится.

- Нравится? - спросила мама, сразу почему-то подобрев.

- Еще бы!

- Ты таких никогда в жизни не ел, - сказала мама.

- Да, я не успел. Время так быстро кончилось, - сказал Митя.

- Но все равно, когда приходишь с улицы, надо сначала вымыть руки, а потом уже хвататься за булку. Положи-ка ее на место и марш в ванную. И не забудь про мыло, - добавила мама строго, приподняла с блюда салфетку, и Митя увидел ужас что. И этот ужас что был горкой аппетитных, румяных булочек в виде жаворонков с изюминками вместо глазок.

- Это что? - спросил Митя обреченно.

- Ты же сам сказал, что это шутландские булки, - улыбнулась мама. - Я хотела сделать тебе сюрприз и испекла их по новому рецепту. Я сама его придумала, - с гордостью сказала она.

Митя посмотрел на булку из Шутландии, потом на булочки, лежащие на блюде. Они были похожи как две капли воды: румяные, теплые, как будто только что сорванные с хлебного дерева.

Митя хотел было что-то объяснить маме, но потом передумал. Он положил булочку на блюдо, вздохнул и направился мыть руки.

Митя посадил Мефодия рядом с раковиной. Никогда в жизни он не намыливал руки так долго и грустно, а потом так долго и грустно не смывал мыло под струей воды. Когда наконец Митя закончил долго и грустно вытирать руки полотенцем, он присел перед Мефодием на корточки.

- Ничего у нас с тобой не получилось, - сказал он лъвенку.

Мефодий молчал. Наверное, день был уже не сумасшедший. Мите стало еще грустнее.

- Единственный раз в жизни попал в чудесную страну и вернулся без чуда, - сокрушался Митя. Он был уверен, что хотя Мефодий и не разговаривает, но все равно все слышит и понимает.

И вдруг Мите показалось, что Мефодий подмигнул ему и кивнул в сторону его кармана. Митя пригляделся к лъвенку повнимательнее. Тот сидел, не шелохнувшись, как и подобает настоящему плюшевому лъвенку. Митю осенило. Ну конечно, он понял, что хотел ему сказать Мефодий. Митя сунул руку в карман и вытащил расчудесные, волшебные три копейки. Как же он мог про них забыть?

- Ай да Мефодий, молодец! Смотри, у нас еще на целых три билета осталось! - воскликнул Митя.

И Митя представил себе Авось, и ему даже показалось, что он слышит его голос: "Когда, когда. Когда время придет, вот когда".

"Интересно, какое оно, время, и как оно выглядит?" - подумал Митя, ведь до сих пор ему еще никогда не приходилось встречаться с ним лицом к лицу.

Настроение у Мити исправилось. А когда у тебя хорошее настроение, то самое время поесть маминых булочек.

Митя взял Мефодия и направился на кухню.

Вдруг ему послышался какой-то шум у входной двери. Митя прислушался. Тишина. На всякий случай он открыл дверь и выглянул наружу. На пороге никого не было.

Время еще не пришло.